

УТВЕРЖДЕНО
постановлением президиума
Седьмого кассационного
суда общей юрисдикции
от 22 августа 2025 года №12

СПРАВКА

по итогам изучения гражданских дел по спорам о наследстве, рассмотренных судебной коллегией по гражданским делам Седьмого кассационного суда общей юрисдикции

Седьмым кассационным судом общей юрисдикции в 2024 году рассматривались по кассационным жалобам следующие категории дел по спорам о наследстве: о разделе наследственного имущества (ст.2.181), о признании завещания недействительным (ст. 2.182), о признании недостойным наследником (ст. 2.183), об ответственности наследников по долгам наследодателя (ст. 2.184), о восстановлении срока принятия наследства, о принятии наследства, о признании права на наследственное имущество (ст. 2.185).

На основании изучения практики рассмотрения судами дел по спорам о наследстве необходимо отметить, что в основном судами правильно применялись нормы материального и процессуального права, выводы судов, содержащиеся в обжалуемых судебных постановлениях, соответствовали установленным ими фактическим обстоятельствам дела.

Вместе с тем имели место отмены постановленных судебных актов по основаниям, предусмотренным статьей 379⁷ Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации.

При разрешении споров о восстановлении срока принятия наследства, суды, как правило, правомерно исходили из того, что отсутствие у истца сведений о смерти наследодателя по причинам, не связанным с личностью истца или объективными обстоятельствами, от него не зависящими, не относится к числу юридически значимых обстоятельств, с которыми закон связывает возможность восстановления срока для принятия наследства, а нежелание лиц, претендующих на восстановление срока для принятия наследства, поддерживать родственные отношения с наследодателем, отсутствие интереса к его судьбе не может расцениваться в качестве уважительных причин пропуска срока для принятия наследства.

Однако в некоторых случаях указанные споры рассматривались судами формально, без учета конкретных обстоятельств дела.

1. Суд может восстановить срок принятия наследства, если наследник пропустил этот срок по уважительным причинам, к числу которых относятся тяжелая болезнь, беспомощное состояние, неграмотность и т.п. (статья 205 ГК РФ), если они препятствовали

принятию наследником наследства в течение всего срока, установленного для этого законом.

М. 22 декабря 2023 г. обратилась с иском к К., Я. о восстановлении срока для принятия наследства после смерти В., признании недействительными свидетельств о праве на наследство, определении долей М., Я. и К. в наследственном имуществе. В обоснование заявленных требований указывала, что является дочерью наследодателя В., умершего 21 сентября 2022 года. Истец является инвалидом детства, не способна в силу своего состояния здоровья к общению и нуждается в постоянной помощи других лиц. 27 сентября 2022 года у истца родился ребенок.

Отказывая в удовлетворении заявленных истцом требований, суд первой инстанции, с которым согласился суд апелляционной инстанции, исходил из недоказанности истцом того обстоятельства, что она не знала и не могла узнать о смерти наследодателя по объективным, независящим от нее обстоятельствам, а также недоказанности иных уважительных причин пропуска срока для принятия наследства после смерти отца.

Судебная коллегия по гражданским делам Седьмого кассационного суда общей юрисдикции отменила апелляционное определение и направила дело на новое рассмотрение в суд апелляционной инстанции, указав о том, что выводы судов первой и апелляционной инстанций сделаны с существенным нарушением норм материального и процессуального права.

В силу п. 1 ст. 1155 Гражданского кодекса РФ по заявлению наследника, пропустившего срок, установленный для принятия наследства (статья 1154), суд может восстановить этот срок и признать наследника принявшим наследство, если наследник не знал и не должен был знать об открытии наследства или пропустил этот срок по другим уважительным причинам и при условии, что наследник, пропустивший срок, установленный для принятия наследства, обратился в суд в течение шести месяцев после того, как причины пропуска этого срока отпали.

Согласно разъяснениям, данным в п. 40 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 29 мая 2012 года № 9 «О судебной практике по делам о наследовании», к числу таких причин следует относить обстоятельства, связанные с личностью истца, которые позволяют признать уважительными причины пропуска срока исковой давности: тяжелая болезнь, беспомощное состояние, неграмотность и т.п. (статья 205 ГК РФ), если они препятствовали принятию наследником наследства в течение всего срока, установленного для этого законом.

Отказывая в восстановлении срока принятия наследства, суды нижестоящих инстанций формально сослались на наличие у истца возможности общаться с наследодателем, получить информацию о его смерти, а также принять наследство в предусмотренном законом порядке и в установленный срок. В нарушение статьи 67 Гражданского процессуального кодекса РФ надлежащая оценка доводам истца о наличии обстоятельств,

связанных с ее личностью, препятствующих принятию ею наследства в установленный срок, и представленным в обоснование их доказательством судами не дана. Мотивированных выводов о том, почему указанные заявителем обстоятельства, а именно: инвалидность, наличие заболевания, препятствующего общению с людьми, рождение в юридически значимый период ребенка и необходимость ухода за ним, не приняты судами в качестве уважительных причин пропуска срока для принятия наследства, обжалуемые судебные постановления не содержали.

Дело № 88-20341/2024

2. По искам о взыскании долга наследодателя юридически значимыми и подлежащими доказыванию обстоятельствами являются - круг наследников, принявших наследство, состав наследственного имущества и его стоимость для определения предела ответственности наследника.

Как правило, суды, разрешая требования кредиторов наследодателя, полно и правильно устанавливали эти обстоятельства. Однако имели место нарушения судами норм материального и процессуального права при разрешении споров по указанной категории дел.

Так, АО «ВУЗ-банк» обратилось с иском к К., С., К, А. о взыскании задолженности по кредитному соглашению. В обоснование иска указано, что между АО «ВУЗ-банк» и Т. заключено кредитное соглашение, обязательства заемщика по кредиту не исполнены, банку стало известно, что Т. умерла.

Разрешая спор, суд первой инстанции, учитывая отсутствие в материалах дела доказательств принятия кем-либо из наследников наследственного имущества, пришел к выводу о наличии оснований для возложения ответственности по долгам наследодателя в пределах стоимости перешедшего наследственного имущества на Российскую Федерацию в лице МТУ ФАУГИ.

Суд апелляционной инстанции, отменяя решение суда первой инстанции, исходил из того, что правомочия собственника в отношении выморочного недвижимого имущества осуществляются Администрацией г. Сургута, которая должна отвечать по долгам наследодателя в пределах стоимости выморочного имущества.

Кроме того, суд апелляционной инстанции пришел к выводу об отсутствии транспортного средства как наследственного имущества, установив из фотографий, что автомобиль имеет значительные существенные повреждения, препятствующие эксплуатации.

Судебная коллегия по гражданским делам Седьмого кассационного суда общей юрисдикции отменила апелляционное определение и направила дело на новое рассмотрение в суд апелляционной инстанции, указав, что

выводы суда апелляционной инстанции сделаны с нарушением норм материального права и процессуального закона.

В соответствии с пунктом 1 статьи 1175 Гражданского кодекса Российской Федерации наследники, принявшие наследство, отвечают по долгам наследодателя солидарно (статья 323). Каждый из наследников отвечает по долгам наследодателя в пределах стоимости перешедшего к нему наследственного имущества.

Приходя к выводу об отсутствии наследственного автомобиля, суд не проверил факт исполнения постановления суда по уголовному делу в части передачи автомобиля законным владельцам, имел ли место факт передачи автомобиля кому-либо из наследников заемщика первой очереди по закону до истечения шести месяцев после открытия наследства.

Без установления этих обстоятельств, вывод суда апелляционной инстанции об исключении автомобиля из наследственной массы и отсутствии наследников, принявших наследство, является преждевременным.

Дело № 88-16928/2024

3. Выморочное имущество в виде нежилых объектов недвижимого имущества, расположенных на земельных участках, не принадлежащих наследодателю, переходит в собственность Российской Федерации.

Управление имущественных отношений администрации Озерского городского округа Челябинской области обратилось в суд с иском к наследственному имуществу, оставшемуся после смерти В., о взыскании задолженности по договору аренды земельного участка. В обоснование иска указывало, что между истцом и В. заключен договор аренды земельного участка, у В. имеется задолженность по внесению арендных платежей.

Решением суда первой инстанции требования истца удовлетворены частично, с Российской Федерации в лице МТУ ФАУГИ в пользу истца взыскана задолженность по арендной плате за счет реализации нежилого здания – гаража, оставшегося после смерти В.

Отменяя решение суда первой инстанции в части удовлетворения исковых требований, суд апелляционной инстанции не согласился с выводами суда о наличии правовых оснований для взыскания долга наследодателя с Российской Федерации, при этом исходил из того, что выморочное имущество – здание гаража, расположенное на территории Озерского городского округа, в порядке наследования по закону перешло в собственность последнего.

Далее, суд апелляционной инстанции, установив, что Озерский городской округ, как собственник выморочного имущества, несет в спорном случае ответственность по долгам В. в пределах стоимости наследственного имущества, от его же имени выступает истец с требованием о взыскании

задолженности, пришел к выводу об отказе в удовлетворении требований в связи с совпадением должника и кредитора в одном лице.

Отменяя апелляционное определение и направляя дело на новое рассмотрение в суд апелляционной инстанции, суд кассационной инстанции указал о нарушении судом апелляционной инстанции норм материального права.

Статьей 1151 Гражданского кодекса Российской Федерации предусмотрено, что в случае, если отсутствуют наследники, как по закону, так и по завещанию, либо никто из наследников не имеет права наследовать или все наследники отстранены от наследования (статья 1117), либо никто из наследников не принял наследства, либо все наследники отказались от наследства и при этом никто из них не указал, что отказывается в пользу другого наследника (статья 1158), имущество умершего считается выморочным.

В порядке наследования по закону в собственность городского или сельского поселения, муниципального района (в части межселенных территорий) либо городского округа переходит следующее выморочное имущество, находящееся на соответствующей территории:

жилое помещение;

земельный участок, а также расположенные на нем здания, сооружения, иные объекты недвижимого имущества;

доля в праве общей долевой собственности на указанные в абзацах втором и третьем настоящего пункта объекты недвижимого имущества.

Иное выморочное имущество переходит в порядке наследования по закону в собственность Российской Федерации.

Таким образом, из содержания приведенной нормы гражданского законодательства следует, что судьба выморочного наследственного имущества в виде объектов нежилой недвижимости, зависит от того, принадлежит ли наследодателю земельный участок, на котором они расположены.

В спорном случае земельный участок для эксплуатации принадлежащего наследодателю на праве собственности гаража предоставлен в аренду последнему постановлением главы администрации Озерского городского округа Челябинской области.

Ввиду изложенного, определение суда апелляционной инстанции о возложении ответственности по долгам наследодателя на Озерский городской округ постановлено с нарушением норм материального права.

Дело №88-22602/2024

Как правило, споры о признании завещания недействительным связаны с совершением завещания гражданином, не способным понимать значение

своих действий или руководить ими. В основном суды правильно разрешают споры по указанной категории дел, оценивая доказательства по своему внутреннему убеждению, основанному на всестороннем, полном, объективном и непосредственном исследовании имеющихся в деле доказательств. Но в некоторых случаях имели место нарушения норм процессуального права при исследовании и оценке доказательств, которые привели к вынесению неправильных судебных постановлений.

4. Заключение эксперта, равно как и другие доказательства по делу, не является исключительным средством доказывания и должно оцениваться в совокупности со всеми имеющимися в деле доказательствами. Рецензия на заключение судебной экспертизы относится к письменным доказательствам и подлежит оценке наравне с другими доказательствами.

Так, признавая недействительными завещания, составленные Щ., суд первой инстанции, с которым согласился суд апелляционной инстанции, исходил из того, что на момент оформления завещаний 7 октября 2013 г. и 20 июня 2019 г. наследодатель в силу ее психического состояния не могла понимать значение своих действий и руководить ими. Свои выводы суды обосновали заключением судебной посмертной психиатрической экспертизы.

Отменяя постановленные судебные акты и направляя дело на новое рассмотрение в суд первой инстанции, суд кассационной инстанции указал на нарушение судами норм процессуального права об исследовании и оценке доказательств.

Согласно статье 67 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации суд оценивает доказательства по своему внутреннему убеждению, основанному на всестороннем, полном, объективном и непосредственном исследовании имеющихся в деле доказательств (часть 1).

Никакие доказательства не имеют для суда заранее установленной силы (часть 2).

Суд оценивает относимость, допустимость, достоверность каждого доказательства в отдельности, а также достаточность и взаимную связь доказательств в их совокупности (часть 3).

Результаты оценки доказательств суд обязан отразить в решении, в котором приводятся мотивы, по которым одни доказательства приняты в качестве средств обоснования выводов суда, другие доказательства отвергнуты судом, а также основания, по которым одним доказательствам отдано предпочтение перед другими (часть 4).

В пункте 7 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 19 декабря 2003 г. № 23 «О судебном решении» разъяснено, что заключение эксперта, равно как и другие доказательства по делу, не является исключительным средством доказывания и должно оцениваться в совокупности со всеми имеющимися в деле доказательствами (статья 67,

часть 3 статьи 86 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации). Оценка судом заключения должна быть полно отражена в решении. При этом суду следует указывать, на чем основаны выводы эксперта, приняты ли им во внимание все материалы, представленные на экспертизу, и сделан ли им соответствующий анализ.

В нарушение приведенных норм процессуального права, разрешая спор, суд принял во внимание только заключение судебной посмертной психиатрической экспертизы. Показания свидетелей, письменные доказательства, в том числе представленные по запросу суда медицинские документы, не получили какой-либо оценки в решении суда первой инстанции; медицинские документы, сведения из которых использованы судебными экспертами при производстве судебной посмертной психиатрической экспертизы, в материалах дела отсутствуют; в качестве свидетелей по ходатайству сторон не были допрошены социальные работники, обслуживающие наследодателя в юридически значимые периоды, сотрудники, принимавшие участие в лечении и наблюдении Ш.; ходатайство ответчика о назначении по делу повторной судебной психиатрической экспертизы не было разрешено судом первой инстанции.

Суд апелляционной инстанции допущенные судом первой инстанции нарушения не устранил, отклоняя основанные на заключении специалиста-психиатра доводы заявителя о недостоверности судебной посмертной психиатрической экспертизы, оценки этому заключению не дал, указав, что оно доказательственной силы не имеет. При этом суд не учел, что в силу статей 55, 71 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации указанное заключение относится к письменным доказательствам и подлежит оценке наравне с другими доказательствами в соответствии с требованием статьи 67 названного кодекса, чего судом сделано не было.

Дело №88-21202/2024

Изучение судебной практики показало, что судами допускаются ошибки при рассмотрении дел об отстранении граждан от наследования.

5. Противоправные действия, направленные против наследодателя и влекущие признание лица недостойным наследником и отстранение его от наследования, должны носить умышленный характер, при этом мотивы и цели совершения таких действий значения не имеют.

Т. обратилась с иском к К. о признании его недостойным наследником, отстранении от наследства, признании свидетельств о праве на наследство недействительными. В обоснование требований указала, что 10 мая 2015 года умер отец сторон Н., стороны обратились к нотариусу с заявлениями о принятии наследства. К. является недостойным наследником, поскольку совершил в отношении наследодателя умышленные противоправные действия.

Отказывая в иске, суд первой инстанции, пришел к выводу о том, что совершенные К. противоправные действия – умышленное причинение вреда здоровью, не находятся в прямой причинно-следственной связи со смертью наследодателя Н., умысла на лишение Н. жизни у ответчика не было, равно как и не имелось цели призвания к наследству.

С выводами суда первой инстанции согласился и суд апелляционной инстанции, указав, что в момент совершения преступления в отношении Н. ответчик находился в состоянии необходимой обороны.

Отменяя судебное постановление, суд кассационной инстанции указал на неправильное применение судами норм материального права.

В соответствии с пунктом 1 статьи 1117 Гражданского кодекса Российской Федерации не наследуют ни по закону, ни по завещанию граждане, которые своими умышленными противоправными действиями, направленными против наследодателя, кого-либо из его наследников или против осуществления последней воли наследодателя, выраженной в завещании, способствовали либо пытались способствовать призванию их самих или других лиц к наследованию либо способствовали или пытались способствовать увеличению причитающейся им или другим лицам доли наследства, если эти обстоятельства подтверждены в судебном порядке.

Как разъяснено в пункте 19 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 29 мая 2012 года № 9 «О судебной практике по делам о наследовании», при разрешении вопросов о признании гражданина недостойным наследником и об отстранении его от наследования надлежит иметь в виду следующее: указанные в абзаце первом пункта 1 статьи 1117 Гражданского кодекса РФ противоправные действия, направленные против наследодателя, кого-либо из его наследников или против осуществления последней воли наследодателя, выраженной в завещании, являются основанием к утрате права наследования при умышленном характере таких действий и независимо от мотивов и целей совершения (в том числе при их совершении на почве мести, ревности, из хулиганских побуждений и т.п.), а равно вне зависимости от наступления соответствующих последствий.

Наследник является недостойным согласно абзацу первому пункта 1 статьи 1117 Гражданского кодекса РФ при условии, что перечисленные в нем обстоятельства, являющиеся основанием для отстранения от наследования, подтверждены в судебном порядке - приговором суда по уголовному делу или решением суда по гражданскому делу (например, о признании недействительным завещания, совершенного под влиянием насилия или угрозы).

Как следует из материалов дела, К. признан виновным в совершении преступления, предусмотренного частью 1 статьи 114 Уголовного кодекса Российской Федерации, а именно умышленное причинение тяжкого вреда здоровью наследодателя, совершенное при превышении пределов необходимой обороны.

Следовательно, вступившим в законную силу судебным актом установлено, что действия К. носили умышленный характер, а вывод судебной коллегии о том, что в момент совершения преступления в отношении Н. ответчик находился в состоянии необходимой обороны, противоречит постановленному судебному акту по уголовному делу.

При таких обстоятельствах, выводы суда первой и апелляционной инстанций об отсутствии оснований для признания наследника недостойным признаны ошибочными, противоречащими установленным по делу обстоятельствам и требованиям закона.

Дело №88-14111/2024

При разрешении споров о разделе наследственного имущества следует учитывать, что в соответствии со статьей 1164 Гражданского кодекса Российской Федерации к общей собственности наследников на наследственное имущество применяются положения главы 16 настоящего Кодекса об общей долевой собственности с учетом правил статей 1165 - 1170 настоящего Кодекса. Однако при разделе наследственного имущества правила статей 1168 - 1170 настоящего Кодекса применяются в течение трех лет со дня открытия наследства.

Целью раздела имущества является прекращение общей собственности и обеспечение возможности бывшим сособственникам максимально беспрепятственно самостоятельно владеть, пользоваться и распоряжаться выделенным имуществом с учетом его целевого назначения, нуждаемости и заинтересованности в нем. Принудительный раздел имущества судом не исключает, а напротив, предполагает, что сособственники не достигли соглашения и раздел производится вопреки желанию кого-либо из них, а при определенных условиях возможен не только раздел вопреки воле одного из сособственников, но и выплата ему денежной компенсации вместо его доли в имуществе.

6. Наследнику, обладающему преимущественным правом на получение в счет своей наследственной доли неделимой вещи, в соответствии с положениями статьи 1168 Гражданского кодекса Российской Федерации необходимо выразить волю на его реализацию, более того, иметь возможность компенсировать несоразмерность наследственного имущества, о преимущественном праве на получение которого он заявляет остальным наследникам путем передачи другого имущества из состава наследства или предоставления иной компенсации, в том числе выплатой соответствующей денежной суммы.

С., Б. обратились в суд с иском к Л., Т., в котором просили разделить наследственное имущество, находящееся в общей долевой собственности, путем передачи в их собственность квартиры, в собственность Л., Т. -

земельного участка с жилым домом, взыскать с них в пользу ответчиков компенсацию.

В обоснование заявленных исковых требований указали, что стороны являются сособственниками квартиры и жилого дома с земельным участком (по 1/8 каждый) в порядке наследования после смерти Ю. Ответчики Л., Т. проживают в указанном жилом доме, пользуются земельным участком.

Т. предъявила встречный иск о разделе наследственного имущества, в котором просила признать незначительными 2/8 доли в праве собственности С. и Б. в квартире, взыскать с Л. и Т. в пользу С., Б. денежную компенсацию за указанные доли, прекратить право собственности С. и Б. на 1/8 в праве собственности на указанную квартиру каждого, признать за истцами право собственности на указанные доли.

Суд первой инстанции, отказывая в удовлетворении первоначальных и встречных исковых требований, исходил из наличия у ответчика Л. преимущественного права на получение в счет своей наследственной доли остальных долей в спорном недвижимом имуществе с компенсацией другим наследникам его стоимости и наличия равных долей у истцов и ответчика Т., что не свидетельствует о незначительности их долей по отношению друг к другу.

С вышеизложенными выводами согласился и суд апелляционной инстанции, указав также на то, что истцами не представлены доказательства финансовой возможности выплаты компенсации в счет разницы стоимости передаваемых друг другу долей.

Судебная коллегия по гражданским делам Седьмого кассационного суда общей юрисдикции, отменяя апелляционное определение и направляя дело на новое рассмотрение, указала на нарушение судами норм материального права.

Согласно статье 1164 Гражданского кодекса Российской Федерации к общей собственности наследников на наследственное имущество применяются положения главы 16 настоящего Кодекса об общей долевой собственности с учетом правил статей 1165 - 1170 настоящего Кодекса. Однако при разделе наследственного имущества правила статей 1168 - 1170 настоящего Кодекса применяются в течение трех лет со дня открытия наследства.

В соответствии с разъяснениями Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 29 мая 2012 года, содержащимися в пункте 51 постановления №9 «О судебной практике по делам о наследовании», раздел наследственного имущества, поступившего в долевую собственность наследников, производится: в течение трех лет со дня открытия наследства по правилам статей 1165 - 1170 Гражданского кодекса Российской Федерации (часть вторая статьи 1164 Гражданского кодекса Российской Федерации).

Федерации), а по прошествии этого срока - по правилам статей 252, 1165, 1167 Гражданского кодекса Российской Федерации.

В силу статьи 1170 Гражданского кодекса Российской Федерации, несоразмерность наследственного имущества, о преимущественном праве на получение которого заявляет наследник на основании статьи 1168 или 1169 настоящего Кодекса, с наследственной долей этого наследника устраняется передачей этим наследником остальным наследникам другого имущества из состава наследства или предоставлением иной компенсации, в том числе выплатой соответствующей денежной суммы. Если соглашением между всеми наследниками не установлено иное, осуществление кем-либо из них преимущественного права возможно после предоставления соответствующей компенсации другим наследникам.

Как установлено судами в спорном случае, стороны обратились в суд с исками о разделе наследственного имущества после получения свидетельств о праве на наследство в виде недвижимого имущества в течение трех лет с момента открытия наследства, соответственно, заявленные требования подлежат разрешению в соответствии с положениями главы 16 Гражданского кодекса Российской Федерации об общей долевой собственности с учетом правил статей 1165 - 1170 указанного кодекса.

Согласно пункту 1 статьи 1168 Гражданского кодекса Российской Федерации наследник, обладавший совместно с наследодателем правом общей собственности на неделимую вещь, доля в праве на которую входит в состав наследства, имеет при разделе наследства преимущественное право на получение в счет своей наследственной доли вещи, находившейся в общей собственности, перед наследниками, которые ранее не являлись участниками общей собственности, независимо от того, пользовались они этой вещью или нет.

Пунктом 52 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 29 мая 2012 года №9 «О судебной практике по делам о наследовании» разъяснено, что преимущественное право на получение в счет своей наследственной доли входящих в состав наследства неделимой вещи, жилого помещения, раздел которого в натуре невозможен, имеют наследники, обладавшие совместно с наследодателем правом общей собственности на неделимую вещь, в том числе на жилое помещение, не подлежащее разделу в натуре, которые могут воспользоваться этим правом преимущественно перед всеми другими наследниками, не являвшимися при жизни наследодателя участниками общей собственности на неделимую вещь, включая наследников, постоянно пользовавшихся ею, и наследников, проживавших в жилом помещении, не подлежащем разделу в натуре.

Исходя из анализа вышеуказанных норм права, наследнику, обладающему преимущественным правом на получение в счет своей наследственной доли неделимой вещи, необходимо выразить волю на его реализацию, более того, иметь возможность компенсировать

несоразмерность наследственного имущества, о преимущественном праве на получение которого он заявляет остальным наследникам путем передачи другого имущества из состава наследства или предоставления иной компенсации, в том числе выплатой соответствующей денежной суммы.

При рассмотрении спора суды не учли, что волю на реализацию указанного права Л. в ходе рассмотрения спора не выразила, подав встречный иск в отношении спорной квартиры, обосновав его наличием у нее преимущественного права, впоследствии от него отказалась, отказ принят судом, производство по нему прекращено.

Иные наследники, как установлено судами, преимущественным правом в соответствии с положениями статьи 1168 Гражданского кодекса Российской Федерации не обладают, соответственно, требования о разделе наследственного имущества подлежали разрешению в соответствии с положениями главы 16 Гражданского кодекса Российской Федерации об общей долевой собственности с учетом правил статей 1165 – 1167 указанного кодекса.

Дело №88-17070/2024

Судебная коллегия по гражданским делам
Седьмого кассационного суда общей юрисдикции

май 2025 года

УТВЕРЖДЕНО
постановлением
президиума Седьмого
кассационного
суда общей юрисдикции
от 22 августа 2025 года
№12

Справка
по изучению практики рассмотрения
Седьмым кассационным судом общей юрисдикции
дел по спорам, возникающим в связи с получением работниками травм
на производстве и профессиональных заболеваний

Согласно плану работы на 1 полугодие 2025 г. проведено обобщение практики рассмотрения судебной коллегией по гражданским делам Седьмого кассационного суда общей юрисдикции дел по спорам, возникающим в связи с получением работниками травм на производстве и профессиональных заболеваний, за период с 2022 г. по 1 полугодие 2025 г., рассмотренных судами первой и апелляционной инстанций Курганской, Свердловской, Тюменской, Челябинской областей, Пермского края, Ханты-Мансийского и Ямало-Ненецкого автономных округов (далее по тексту - суды).

В соответствии с Конституцией Российской Федерации в Российской Федерации охраняются труд и здоровье людей (часть 2 статьи 7), каждый имеет право на охрану здоровья и медицинскую помощь (часть 1 статьи 41), на труд в условиях, отвечающих требованиям безопасности и гигиены (часть 3 статьи 37), каждому гарантируется социальное обеспечение по возрасту, в случае болезни, инвалидности, потери кормильца и в иных случаях, установленных законом (часть 1 статьи 39).

При рассмотрении дел по спорам, связанным с получением работниками травм на производстве и профессиональных заболеваний, суды руководствовались, в частности:

- Конституцией Российской Федерации;
- Трудовым кодексом Российской Федерации;
- Федеральным законом от 24 июля 1998 года № 125-ФЗ «Об обязательном социальном страховании от несчастных случаев на производстве и профессиональных заболеваний» (далее - Федеральный закон «Об обязательном социальном страховании от несчастных случаев на производстве и профессиональных заболеваний»);
- Федеральным законом от 21 ноября 2011 г. № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» (далее - Федеральный закон «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации»);

- другими федеральными законами, иными нормативными правовыми актами;

- постановлением Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 17 марта 2004 г. № 2 «О применении судами Российской Федерации Трудового кодекса Российской Федерации»;

- постановлением Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 15 ноября 2022 г. № 33 «О практике применения судами норм о компенсации морального вреда»;

- постановлением Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 26 января 2010 г. № 1 «О применении судами гражданского законодательства, регулирующего отношения по обязательствам вследствие причинения вреда жизни или здоровью гражданина»;

- постановлением Пленума Верховного Суда Российской Федерации № 2 от 10 марта 2011 г. «О применении судами законодательства об обязательном социальном страховании от несчастных случаев на производстве и профессиональных заболеваний».

В целях обеспечения единообразного подхода к разрешению судами споров, возникающих в связи с получением работниками травм на производстве и профессиональных заболеваний, и принимая во внимание, что судами по отдельным категориям споров допускаются ошибки, для их устранения необходимо обратить внимание на следующие правовые позиции.

1. Незаключение между индивидуальным предпринимателем (организацией) и потерпевшим трудового договора не свидетельствует об отсутствии трудовых отношений и не освобождает работодателя от обязанности по проведению расследования несчастного случая, составлению акта формы Н-1 и несения ответственности за вред, причиненный работнику в результате несчастного случая на производстве, при исполнении им трудовых обязанностей, в том числе после окончания рабочей смены.

С. обратилась в суд с иском к индивидуальному предпринимателю С.В.Б. (далее по тексту - ИП С.В.Б.), с учетом уточнения требований, об установлении факта трудовых отношений в должности администратора; признании произошедшего 9 декабря 2022 г. с ней происшедшего несчастным случаем на производстве; возложении на ответчика обязанности составить акт о несчастном случае на производстве по форме Н-1, акт о расследовании тяжелого несчастного случая по форме № 5, выдать заверенные копии указанных актов; о взыскании компенсации морального вреда.

В обоснование заявленных требований сослалась на то, что в период с 2014 г. по 2022 г. состояла в трудовых отношениях с ИП С.В.Б., работала администратором отеля. При трудоустройстве с ответчиком была достигнута договоренность об объеме трудовых обязанностей, режиме работы.

Заработную плату она получала как наличными денежными средствами, так и в виде переводов на банковскую карту. 9 декабря 2022 г. в утреннее время, находясь в помещении отеля, она упала в душе, вследствие чего получила травму и была госпитализирована бригадой скорой помощи в больницу; лечение в связи с полученной травмой проходит по настоящее время, является нетрудоспособной.

Решением городского суда, оставленным без изменения апелляционным определением судебной коллегии по гражданским делам областного суда, установлен факт трудовых отношений между С. и ИП С.В.Б. в спорный период в должности администратора; травма, полученная С. 9 декабря 2022 г. в отеле, признана несчастным случаем на производстве; на ИП С.В.Б. возложена обязанность составить по данному несчастному случаю акт по форме Н-1 и акт о расследовании тяжелого несчастного случая по форме № 5, копии указанных актов выдать С.; с ИП С.В.Б. в пользу С. взыскана компенсация морального вреда.

Разрешая требования в части установления факта трудовых отношений, суд первой инстанции, руководствуясь положениями статей 15, 16, 56, 67 Трудового кодекса Российской Федерации, оценив представленные в материалы дела доказательства в совокупности, исходил из того, что сложившиеся между С. и ИП С.В.Б. отношения в спорный период времени по выполнению обязанностей администратора отвечают признакам трудовых; между сторонами было достигнуто соглашение о выполняемой истцом трудовой функции, режиме работы; истец была фактически допущена к работе с ведома и по поручению работодателя, что стороной ответчика не отрицается, в связи с чем пришел к выводу об удовлетворении требований С. об установлении факта трудовых отношений.

В указанной части решение суда первой инстанции ответчиком не обжаловалось и в апелляционном порядке не проверялось.

В силу положений абзацев четвертого и четырнадцатого части 1 статьи 21 Трудового кодекса Российской Федерации работник имеет право на рабочее место, соответствующее государственным нормативным требованиям охраны труда и условиям, предусмотренным коллективным договором, а также на возмещение вреда, причиненного ему в связи с исполнением трудовых обязанностей, и компенсацию морального вреда в порядке, установленном Трудовым кодексом Российской Федерации, иными федеральными законами.

Этим правам работника корреспондируют обязанности работодателя обеспечивать безопасность и условия труда, соответствующие государственным нормативным требованиям охраны труда, возмещать вред, причиненный работникам в связи с исполнением ими трудовых обязанностей, а также компенсировать моральный вред в порядке и на условиях, которые установлены Трудовым кодексом Российской Федерации, другими федеральными законами и иными нормативными правовыми актами

Российской Федерации (абзацы четыре и шестнадцать части 2 статьи 22 Трудового кодекса Российской Федерации).

Согласно части 1 статьи 209 Трудового кодекса Российской Федерации охрана труда - это система сохранения жизни и здоровья работников в процессе трудовой деятельности, включающая в себя правовые, социально-экономические, организационно-технические, санитарно-гигиенические, лечебно-профилактические, реабилитационные и иные мероприятия.

Условия труда - это совокупность факторов производственной среды и трудового процесса, оказывающих влияние на работоспособность и здоровье работника (часть 2 статьи 209 Трудового кодекса Российской Федерации).

Обеспечение приоритета сохранения жизни и здоровья работников является одним из направлений государственной политики в области охраны труда (абзац второй части 1 статьи 210 Трудового кодекса Российской Федерации).

Частью 1 статьи 212 Трудового кодекса Российской Федерации определено, что обязанности по обеспечению безопасных условий и охраны труда возлагаются на работодателя.

Работодатель обязан обеспечить безопасность работников при эксплуатации зданий, сооружений, оборудования, осуществлении технологических процессов, а также применяемых в производстве инструментов, сырья и материалов (абзац второй части 2 статьи 212 Трудового кодекса Российской Федерации).

Каждый работник имеет право на рабочее место, соответствующее требованиям охраны труда, а также гарантии и компенсации, установленные в соответствии с Трудовым кодексом Российской Федерации, коллективным договором, соглашением, локальным нормативным актом, трудовым договором, если он занят на работах с вредными и (или) опасными условиями труда (абзацы второй и тринадцатый части 1 статьи 219 Трудового кодекса Российской Федерации).

Разрешая требования в части признания факта несчастного случая, связанного с производством, суд первой инстанции, оценив представленные доказательства, установил, что в трудовые обязанности С. входила уборка саун после посещения их клиентами, при этом время уборки саун регламентировано не было, однако в соответствии со сложившимся у работодателя порядком сауну С. должна была убрать в течение рабочей смены или непосредственно после ее окончания, если не успела выполнить эту работу в течение рабочего времени, либо договориться об уборке сауны со своей сменщицей; С. на момент падения и получения травмы находилась в первой сауне в связи с проведением уборки после посещения ее клиентами в ночь на 9 декабря 2022 г. с 23:50 до 04:00. Исходя из того, что травма 9 декабря 2022 г. получена истцом при исполнении трудовых обязанностей администратора в отеле на рабочем месте по вине работодателя, который не

обеспечил безопасные условия труда; ответчиком расследование обстоятельств получения истцом травмы не проводилось, вопрос о признании данной травмы как производственной в порядке, установленном трудовым законодательством, решен не был, суд пришел к выводу об удовлетворении исковых требований С. о признании несчастного случая, произошедшего 9 декабря 2022 г., связанным с производством, о возложении на работодателя обязанности по составлению акта по форме Н-1 и акта о расследовании тяжелого несчастного случая по форме № 5.

Удовлетворяя требования истца о взыскании компенсации морального вреда, суд первой инстанции, исходил из того, что несчастный случай с истцом произошел в рабочее время при исполнении трудовых обязанностей в интересах работодателя; причиной несчастного случая явилось несоблюдение работодателем обязанности по обеспечению безопасных условий и охраны труда; отсутствия в действиях истца вины, в связи с чем пришел к выводу о возложении ответственности за причиненный вред на ответчика.

Суд апелляционной инстанции согласился с выводами суда первой инстанции и их правовым обоснованием, дополнительно указав, что в силу статьи 227 Трудового кодекса Российской Федерации несчастными случаями признаются события, произошедшие в течение рабочего времени на территории работодателя либо в ином месте выполнения работы, в том числе во время установленных перерывов, а также в течение времени, необходимого для приведения в порядок орудий производства и одежды, выполнения других предусмотренных правилами внутреннего трудового распорядка действий перед началом и после окончания работы.

Судебная коллегия по гражданским делам Седьмого кассационного суда общей юрисдикции пришла к выводу об отсутствии оснований для отмены или изменения принятых по делу судебных актов.

(определение от 6 мая 2024 г. № 88-8754/2024)

2. Смерть работника во время нахождения в служебной командировке в выходной день от заболевания, которое у него было ранее диагностировано, с учетом конкретных обстоятельств дела, может быть квалифицирована как несчастный случай на производстве.

3. обратилась в суд с иском к АО «У», с учетом уточнения требований, о признании несчастного случая, произошедшего с ее сыном З.Д.В. при исполнении им трудовых обязанностей, связанным с производством и подлежащим учету и оформлению актом по форме Н-1 о несчастном случае на производстве; признании акта о расследовании несчастного случая со смертельным исходом в части установления обстоятельств несчастного случая, определения фактической причины смерти работника, квалификации и учета несчастного случая недействительным; возложении обязанности составить акт по форме Н-1 о несчастном случае на производстве,

произошедшем с З.Д.В. при исполнении им трудовых обязанностей; взыскании компенсации морального вреда.

В обоснование заявленных требований З. сослалась на то, что является матерью З.Д.В., который с 2020 г. состоял с АО «У» в трудовых отношениях. 9 марта 2022 г. З.Д.В. по распоряжению работодателя был направлен в служебную командировку в Республику Крым. 20 марта 2022 г. он был обнаружен без признаков жизни в гостиничном номере туристического комплекса, который предоставлен ему работодателем в качестве помещения для отдыха. Согласно медицинскому свидетельству, смерть З.Д.В. наступила от общего заболевания - эпилепсии. При проведении расследования несчастного случая со смертельным исходом, результаты которого оформлены актом от 31 марта 2022 г., созданная работодателем комиссия пришла к выводу о том, что произошедший несчастный случай не подлежит квалификации как связанный с производством, поскольку смерть З.Д.В. наступила не при исполнении им служебных обязанностей, в выходной день (воскресенье). Полагала, что актом расследования несчастного случая со смертельным исходом не установлены фактические обстоятельства несчастного случая, непосредственная причина смерти работника, неверно определена квалификация несчастного случая. Указывая на наличие вины работодателя в наступлении несчастного случая, ссылаясь на то, что на протяжении длительного времени З.Д.В. находился в служебных командировках в отдаленных населенных пунктах, с частыми авиаперелетами и железнодорожными перемещениями, что могло привести к переутомлению и значительному ухудшению состояния его здоровья.

В ходе рассмотрения дела истец, ознакомившись с заключением судебно-медицинского эксперта из материалов проверки по факту смерти ее сына, полученным по запросу суда, изменила основания иска, указав, что в связи с нахождением в рабочей поездке при выполнении должностных обязанностей вахтовым методом, при разъездном характере работы З.Д.В. в период междуменного отдыха 20 марта 2022 г. произошел несчастный случай (вероятно, криминального характера), приведший к его смерти при невыясненных обстоятельствах, но не связанный с общим заболеванием. До настоящего времени АО «У» не оформлен акт о несчастном случае на производстве по форме Н-1, что нарушает права З. В результате несчастного случая, повлекшего наступление смерти близкого человека, также нарушены личные неимущественные права З., которые могут быть компенсированы выплатой ответчиком денежной суммы в истребуемом размере.

Разрешая возникший спор и отказывая в удовлетворении исковых требований, суд первой инстанции, исходил из того, что смерть З.Д.В. наступила в нерабочее время, в выходной день, в гостиничном номере, который оформлен работодателем для его отдыха; смерть З.Д.В. не связана с выполнением им трудовых обязанностей и не подлежит квалификации как несчастный случай, связанный с производством. При проведении расследования созданной работодателем комиссией не допущено нарушений

действующего законодательства. Составленный по результатам расследования несчастного случая со смертельным исходом акт соответствует положениям закона и фактическим обстоятельствам происшествия.

Суд апелляционной инстанции согласился с выводами суда первой инстанции и их правовым обоснованием.

С выводами судов судебная коллегия по гражданским делам Седьмого кассационного суда общей юрисдикции не согласилась, указав следующее.

Работник имеет право на рабочее место, соответствующее государственным нормативным требованиям охраны труда и условиям, предусмотренным коллективным договором (абзац четвертый части 1 статьи 21 Трудового кодекса Российской Федерации; здесь и далее нормы Трудового кодекса Российской Федерации приводятся в редакции, действовавшей на момент несчастного случая, произошедшего с З.Д.В. 20 марта 2022 г.).

Указанному праву работника корреспондирует обязанность работодателя обеспечивать безопасность и условия труда, соответствующие государственным нормативным требованиям охраны труда (абзац четвертый части 2 статьи 22 Трудового кодекса Российской Федерации).

Безопасные условия труда - это условия труда, при которых воздействие на работающих вредных и (или) опасных производственных факторов исключено либо уровни их воздействия не превышают установленных нормативов (часть 5 статьи 209 Трудового кодекса Российской Федерации).

В силу статьи 214 Трудового кодекса Российской Федерации обязанности по обеспечению безопасных условий и охраны труда возлагаются на работодателя.

Статьей 216 Трудового кодекса Российской Федерации предусмотрено, что каждый работник имеет право на рабочее место, соответствующее требованиям охраны труда; получение достоверной информации от работодателя, соответствующих государственных органов и общественных организаций об условиях и охране труда на рабочем месте, о существующем риске повреждения здоровья, а также о мерах по защите от воздействия вредных и (или) опасных производственных факторов.

Статьей 216.1 Трудового кодекса Российской Федерации предусмотрены гарантии права работников на труд в условиях, соответствующих требованиям охраны труда. В случае причинения вреда жизни и здоровью работника при исполнении им трудовых обязанностей возмещение указанного вреда осуществляется в рамках обязательного социального страхования от несчастных случаев на производстве и профессиональных заболеваний.

В целях предупреждения и устранения нарушений государственных нормативных требований охраны труда государство обеспечивает организацию и осуществление федерального государственного контроля (надзора) за их соблюдением и устанавливает ответственность работодателя и должностных лиц за нарушение указанных требований.

Перечень вредных и (или) опасных производственных факторов и работ, при выполнении которых проводятся обязательные предварительные медицинские осмотры при поступлении на работу и периодические медицинские осмотры, утвержден приказом Минтруда России № 988н, Минздрава России № 1420н от 31 декабря 2020 г.

Приказом Минздрава России от 28 января 2021 г. № 29н утверждены Порядок проведения обязательных предварительных и периодических медицинских осмотров работников и Перечень медицинских противопоказаний к осуществлению работ с вредными производственными факторами, а также работ, при выполнении которых проводятся обязательные медицинские осмотры.

Постановлением Правительства Российской Федерации от 28 апреля 1993 г. № 377 «О реализации Закона Российской Федерации «О психиатрической помощи и гарантиях прав граждан при ее оказании» утвержден Перечень медицинских психиатрических противопоказаний для осуществления отдельных видов профессиональной деятельности и деятельности, связанной с источником повышенной опасности (действовал до 1 сентября 2022 г.).

Данным Перечнем предусмотрено, что общими медицинскими психиатрическими противопоказаниями для указанных в таблице работ являются хронические и затяжные психические расстройства с тяжелыми стойкими или часто обостряющимися болезненными проявлениями, эпилепсия с пароксизмальными расстройствами. Выраженные формы пограничных психических расстройств рассматриваются в каждом случае индивидуально.

В соответствии с частью 2 статьи 167 Трудового кодекса Российской Федерации направление инвалидов в служебные командировки допускается только с их письменного согласия и при условии, если это не запрещено им по состоянию здоровья в соответствии с медицинским заключением, выданным в порядке, установленном федеральными законами и иными нормативными правовыми актами Российской Федерации. При этом указанные работники должны быть в письменной форме ознакомлены со своим правом отказаться от направления в служебную командировку.

Как установлено судом, З.Д.В. с 18 декабря 2020 г. работал у ответчика в эксплуатационно-рекламационном отделе сервисным инженером. Смерть З.Д.В. произошла 20 марта 2022 г. от общего заболевания – эпилепсия в период нахождения в командировке в Республике Крым. В экспертном заключении о смерти З.Д.В. указано, что в его медицинской карте имеются

сведения о том, что он состоял на диспансерном учете как ребенок-инвалид по заболеванию – эпилепсия.

Суд пришел к выводу, что вины работодателя в смерти работника не имеется, учитывая, что З.Д.В. в 2021 г. проходил периодический медицинский осмотр, по результатам которого противопоказаний к указанной работе у него не выявлено, смерть произошла в нерабочее время (выходной день), в связи с чем в удовлетворении исковых требований о признании несчастного случая связанным с производством отказал.

Между тем, в нарушение указанных норм права, суд не выяснил и не установил, были ли выполнены работодателем по отношению к З.Д.В. обязанности в области охраны труда, а именно: обстоятельства направления работодателем З.Д.В. на периодический медицинский осмотр в 2021 г. в целях определения соответствия состояния его здоровья поручаемой работе и обстоятельства прохождения им данного медицинского осмотра. При этом основания направления З.Д.В. на периодический медицинский осмотр в 2021 г. суд в ходе рассмотрения дела не устанавливал. Также судом не выяснялось, являлся ли З.Д.В. на момент направления в командировку инвалидом, если являлся, то соблюдены ли работодателем требования статьи 167 Трудового кодекса Российской Федерации об условиях направления инвалидов в командировку.

В деле имеется только заключительный акт от 22 ноября 2022 г., составленный ответчиком (заказчик) и ООО (исполнитель), без приведения в нем конкретных результатов и даты медицинского осмотра З.Д.В. Отсутствуют медицинские документы об объеме проведенных в ходе осмотра обследований, заключения врачей-специалистов; направление работодателя на периодический медицинский осмотр, выданное З.Д.В., с указанием правовых оснований для его проведения, перечня вредных производственных факторов, которым подвергается работник в период работы в АО «У» в должности сервисного инженера.

Истец ссылаясь на то, что причиной смерти ее сына от эпилептического приступа стало резкое ухудшение состояния здоровья на фоне регулярной загруженности и несоблюдения трудового распорядка. Приводила доводы о том, что для установления причинно-следственной связи между смертью ее сына от заболевания и условиями его труда требуются специальные познания в области медицины - назначение судебно-медицинской экспертизы. Истолковав заключение эксперта от 21 марта 2022 г. о причинах смерти З.Д.В. от асфиксии, как подтверждающее смерть от действий третьих лиц, представитель истца в ходе судебного разбирательства приводила доводы о том, что работодатель не обеспечил З.Д.В., перевозившему в ходе командировки дорогостоящее оборудование, надлежащую охрану труда и отдыха, безопасность рабочей поездки.

Данным доводам истца, ее представителя суд, вопреки требованиям статей 56, 57, 67, 71 (о доказательствах и доказывании, об оценке

доказательств) Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации, не дал надлежащей правовой оценки с учетом норм права, подлежащих применению к спорным отношениям, вопрос о назначении по делу судебной экспертизы на обсуждение сторон не поставил, эксперта, давшего два различных заключения о причинах смерти З.Д.В., не опрашивал.

Учитывая изложенное, суд кассационной инстанции счел выводы судов первой и апелляционной инстанций об отсутствии вины ответчика в причинении вреда истцу и об отказе в удовлетворении исковых требований З. неправомерными, отменив судебные акты нижестоящих судов с направлением дела на новое рассмотрение в суд первой инстанции.

(определение от 14 сентября 2023 г. № 88-15024/2023)

3. Непринятие работодателем мер по организации медицинской помощи работнику, который указывал на ухудшение своего самочувствия, что привело к неблагоприятным последствиям, может явиться основанием для привлечения к ответственности за возмещение вреда здоровью, причиненного в результате несчастного случая на производстве.

Л. обратился в суд с иском к ООО «ИНК», с учетом уточнения требований, о признании ответственным работодателя за неоказание ему первой помощи 25 июля 2022 г., за непроведение расследования несчастного случая, возложении обязанности по расследованию несчастного случая, произошедшего при исполнении трудовых обязанностей 25 июля 2022 г.

В обоснование заявленных требований сослался на то, что работал в ООО «ИНК» мастером по подземному и капитальному ремонту скважин вахтовым методом. 25 июля 2022 г., находясь на рабочем месте при исполнении трудовых обязанностей на объекте заказчика ООО «Л.-П.», около 10:00 почувствовал головокружение и шум в ушах, установил повышение артериального давления. Несмотря на прием рекомендованных медикаментов (каптоприла), артериальное давление продолжало повышаться. О своем плохом самочувствии сообщил начальнику цеха, около 17:00 начальник цеха сообщил ему об отсутствии транспорта для его доставки в лечебное учреждение и предложил выехать с объекта самостоятельно. Он самостоятельно покинул объект на такси. По пути следования пассажир такси и водитель заметили ухудшение состояния его здоровья, вызвали бригаду скорой медицинской помощи, которая доставила его в больницу с диагнозом «инсульт», что привело впоследствии к инвалидности 3 группы. Полагает, что причиной ухудшения состояния его здоровья 25 июля 2022 г. явились переработки и работа в ночное время, а причиной возникновения заболевания (инсульта) и инвалидности явилось длительное неоказание медицинской помощи по вине работодателя, который не организовал его доставку с объекта в лечебное учреждение. Считает, что ухудшение состояния его здоровья 25 июля 2022 г. является несчастным случаем на производстве, подлежащим оформлению.

Решением районного суда Л. в удовлетворении исковых требований отказано.

Разрешая возникший спор, суд первой инстанции исходил из отсутствия оснований для признания несчастного случая подлежащим расследованию и учету как связанного с производством, поскольку факт получения истцом заболевания на рабочем месте в рабочее время и вследствие исполнения должностных обязанностей не нашел своего подтверждения; доводы истца о неоказании ему медицинской помощи ничем не подтверждены и опровергаются пояснениями о том, что он самостоятельно измерил себе артериальное давление и принял лекарство; истец, являясь руководителем в бригаде, имел в пользовании карту проезда по дорогам к месторождению, однако скорую помощь не вызвал и не дал такое поручение своим подчиненным работникам. В представленных медицинских документах истца отсутствуют сведения о наличии связи заболевания с производственной деятельностью, в связи с чем пришел к выводу об отказе в удовлетворении иска.

Суд апелляционной инстанции с данным выводом суда первой инстанции согласился.

Судебная коллегия по гражданским делам Седьмого кассационного суда общей юрисдикции пришла к выводу о том, что выводы судов первой и апелляционной инстанций основаны на неправильном толковании и применении норм материального права, регулирующих спорные отношения, и сделаны с нарушением норм процессуального права.

Согласно части 1 статьи 214 Трудового кодекса Российской Федерации обязанности по обеспечению безопасных условий и охраны труда возлагаются на работодателя.

Согласно статье 220 Трудового кодекса Российской Федерации работники, занятые на работах с вредными и (или) опасными условиями труда (в том числе на подземных работах), а также на работах, связанных с движением транспорта, проходят обязательные предварительные (при поступлении на работу) и периодические (в течение трудовой деятельности, для лиц в возрасте до 21 года - ежегодные) медицинские осмотры для определения пригодности этих работников для выполнения поручаемой работы и предупреждения профессиональных заболеваний. В соответствии с нормативными правовыми актами и (или) медицинскими рекомендациями указанные работники проходят внеочередные медицинские осмотры.

Согласно положениям статьи 297 Трудового кодекса Российской Федерации вахтовый метод - особая форма осуществления трудового процесса вне места постоянного проживания работников, когда не может быть обеспечено ежедневное их возвращение к месту постоянного проживания (часть 1).

Вахтовый метод применяется при значительном удалении места работы

от места постоянного проживания работников или места нахождения работодателя в целях сокращения сроков строительства, ремонта или реконструкции объектов производственного, социального и иного назначения в необжитых, отдаленных районах или районах с особыми природными условиями, а также в целях осуществления иной производственной деятельности (часть 2).

Работники, привлекаемые к работам вахтовым методом, в период нахождения на объекте производства работ проживают в специально создаваемых работодателем вахтовых поселках, представляющих собой комплекс зданий и сооружений, предназначенных для обеспечения жизнедеятельности указанных работников во время выполнения ими работ и междусменного отдыха, либо в приспособленных для этих целей и оплачиваемых за счет работодателя общежитиях, иных жилых помещениях (часть 3).

В соответствии с пунктом 8.2 Основных положений о вахтовом методе организации работ, утвержденных постановлением Госкомтруда СССР, Секретариата ВЦСПС и Минздрава СССР от 31 декабря 1987 г. № 794/33-82, администрация предприятий, на балансе которых находятся вахтовые поселки, организует совместно с учреждениями здравоохранения медицинскую помощь коллективам вахтовых поселков, комплектование их медицинским и фармацевтическим персоналом, медикаментами и медоборудованием и обеспечивает эвакуацию заболевших.

Вопросы расследования несчастных случаев на производстве определены положениями статей 227 - 231 Трудового кодекса Российской Федерации.

Правовое регулирование отношений по возмещению вреда, причиненного здоровью, или в случае смерти работника вследствие несчастного случая на производстве либо профессионального заболевания осуществляется по нормам Федерального закона «Об обязательном социальном страховании от несчастных случаев на производстве и профессиональных заболеваний».

Обязательному социальному страхованию от несчастных случаев на производстве и профессиональных заболеваний подлежат в числе других физические лица, выполняющие работу на основании трудового договора, заключенного со страхователем (абзац второй пункта 1 статьи 5 Федерального закона «Об обязательном социальном страховании от несчастных случаев на производстве и профессиональных заболеваний»).

Несчастливым случаем на производстве в силу абзаца десятого статьи 3 Федерального закона «Об обязательном социальном страховании от несчастных случаев на производстве и профессиональных заболеваний» признается событие, в результате которого застрахованный получил увечье или иное повреждение здоровья при исполнении им обязанностей по трудовому договору и в иных установленных данным федеральным законом

случаях как на территории страхователя, так и за ее пределами либо во время следования к месту работы или возвращения с места работы на транспорте, предоставленном страхователем, и которое повлекло необходимость перевода застрахованного на другую работу, временную или стойкую утрату им профессиональной трудоспособности либо его смерть.

В пункте 9 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 10 марта 2011 г. № 2 «О применении судами законодательства об обязательном социальном страховании от несчастных случаев на производстве и профессиональных заболеваний» содержатся разъяснения о том, что в силу положений статьи 3 Федерального закона от 24 июля 1998 г. № 125-ФЗ и статьи 227 Трудового кодекса Российской Федерации несчастным случаем на производстве признается событие, в результате которого застрахованный получил увечье или иное повреждение здоровья при исполнении обязанностей по трудовому договору или выполнении какой-либо работы по поручению работодателя (его представителя), а также при осуществлении иных правомерных действий, обусловленных трудовыми отношениями с работодателем или совершаемых в его интересах как на территории страхователя, так и за ее пределами либо во время следования к месту работы или возвращения с места работы на транспорте, предоставленном страхователем (или на личном транспортном средстве в случае его использования в производственных (служебных) целях по распоряжению работодателя (его представителя) либо по соглашению сторон трудового договора), и которое повлекло необходимость перевода застрахованного на другую работу, временную или стойкую утрату им профессиональной трудоспособности либо его смерть.

При этом следует учитывать, что событие, в результате которого застрахованный получил увечье или иное повреждение здоровья при следовании к месту служебной командировки и обратно, во время служебных поездок на общественном или служебном транспорте, а также при следовании по распоряжению работодателя (его представителя) к месту выполнения работы (поручения) и обратно, в том числе пешком, также может быть отнесено к несчастным случаям на производстве.

В связи с этим для правильной квалификации события, в результате которого причинен вред жизни или здоровью пострадавшего, необходимо в каждом случае исследовать следующие юридически значимые обстоятельства:

относится ли пострадавший к лицам, участвующим в производственной деятельности работодателя (часть 2 статьи 227 Трудового кодекса Российской Федерации);

указано ли происшедшее событие в перечне событий, квалифицируемых в качестве несчастных случаев (часть 3 статьи 227 Трудового кодекса Российской Федерации);

соответствуют ли обстоятельства (время, место и другие),

сопутствующие происшедшему событию, обстоятельствам, указанным в части 3 статьи 227 Трудового кодекса Российской Федерации;

произошел ли несчастный случай на производстве с лицом, подлежащим обязательному социальному страхованию от несчастных случаев на производстве и профессиональных заболеваний (статья 5 Федерального закона «Об обязательном социальном страховании от несчастных случаев на производстве и профессиональных заболеваний»);

имели ли место обстоятельства, при наличии которых несчастные случаи могут квалифицироваться как не связанные с производством (исчерпывающий перечень таких обстоятельств содержится в части 6 статьи 229.2 Трудового кодекса Российской Федерации), и иные обстоятельства.

Из приведенных нормативных положений и разъяснений Пленума Верховного Суда Российской Федерации следует, что несчастным случаем на производстве признается событие, в результате которого застрахованный получил не только увечье, но и иное повреждение здоровья (ухудшение состояния здоровья) при исполнении им обязанностей по трудовому договору и в иных установленных законом случаях, как на территории работодателя, так и за ее пределами, повлекшее необходимость перевода застрахованного на другую работу, временную или стойкую утрату им профессиональной трудоспособности либо его смерть.

Таким образом, суду с учетом приведенных норм при разрешении спора о признании несчастного случая, произошедшего с работником при исполнении им трудовых обязанностей, как связанного или не связанного с производством, необходимо каждый раз принимать во внимание конкретные обстоятельства, при которых с работником произошел несчастный случай, в том числе находился ли пострадавший в момент несчастного случая при исполнении трудовых обязанностей, был ли он допущен работодателем к исполнению трудовых обязанностей, было ли выявлено у него какое-либо общее заболевание по результатам прохождения предварительного (периодического) медицинского осмотра, подтвержденное заключением медицинской организации, проводившей медицинский осмотр, мог ли работник при имевшемся у него общем заболевании быть допущен к работе в определенных условиях, произошло ли в период исполнения трудовых обязанностей ухудшение здоровья (обострение заболевания, имевшегося ранее) работника по вине работодателя, произошло ли ухудшение состояния здоровья работника в результате несоблюдения работодателем режима рабочего времени, неисполнения обязанности по доставке работника в медицинское учреждение в связи с ухудшением состояния его здоровья, а в случае выполнения работы вахтовым методом, исполнены ли работодателем обязанности по обеспечению доступности получения работником медицинской помощи в вахтовом поселке или ином медицинском учреждении в непосредственной близости от него, с которым у работодателя заключен договор.

Приведенные нормы права, регулирующие вопросы расследования несчастных случаев на производстве, судом первой инстанции при рассмотрении исковых требований истца не применены, обстоятельства, имеющие значение для дела, не установлены.

В обоснование исковых требований Л. ссылался на то, что ухудшение состояния его здоровья (повышение артериального давления) 25 июля 2022 г. произошло в результате несоблюдения работодателем рабочего времени (сверхурочной работы) и работы в ночное время, а возникновение у него инсульта вызвано неисполнением обязанности работодателем по его доставке в лечебное учреждение, поскольку оказание ему медицинской помощи на ранних этапах ухудшения состояния его здоровья, позволило бы избежать возникновения инсульта и впоследствии инвалидности. При этом истец указывал на лиц, которым было известно об указанных им обстоятельствах, к кому он обращался за предоставлением транспорта для доставки его в медицинское учреждение.

Суд первой инстанции не проверил названные обстоятельства, имеющие значение для дела, исходя из заявленных истцом требований, возражений на них ответчика и норм права об охране труда в их взаимосвязи с нормативными положениями о расследовании несчастных случаев на производстве и то, какой стороне надлежит их доказывать, не оценил имеющиеся по делу доказательства, как это предписывает процессуальный закон (статья 67 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации), неправомерно возложив бремя доказывания обстоятельств, связанных с несчастным случаем, произошедшим с Л., на работника, фактически освободив от доказывания ответчика - работодателя ООО «ИНК», в то время как законом предусмотрена обязанность работодателя по соблюдению прав работников в области охраны труда и проведению расследования несчастных случаев на производстве, произошедших с ними при исполнении трудовых обязанностей.

Судом не установлено, имел ли Л. общие заболевания до поступления на работу к ответчику, в каком режиме работал, где располагалось его место работы, где проживал он в период нахождения на вахте, как организовано работодателем медицинское обслуживание работников в период нахождения их на вахте, имело ли место со стороны работодателя нарушение режима рабочего времени, явилось ли это причиной ухудшения состояния здоровья истца 25 июля 2022 г., обращался ли Л. непосредственно к руководителю по вопросу транспортировки его в лечебное учреждение, имел ли возможность получить медицинскую помощь в непосредственной близости от места исполнения своих служебных обязанностей в условиях, организованных работодателем, по каким причинам не был доставлен работодателем в лечебное учреждение, явилось ли позднее обращение истца за медицинской помощью причиной возникновения у него инсульта, является ли ухудшение состояния его здоровья несчастным случаем, связанным с производством, либо случаем, не связанным с производством.

Кроме того, в нарушение требований статей 148, 149, 150 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации судом не предложено истцу уточнить иски, просит ли он признать ухудшение состояния его здоровья 25 июля 2022 г. несчастным случаем, связанным с производством, обязать работодателя провести расследование несчастного случая и составить соответствующий акт.

Суд апелляционной инстанции, рассматривая дело по апелляционной жалобе истца, допущенные судом первой инстанции нарушения не устранил.

Ввиду изложенного выводы судов первой и апелляционной инстанций признаны судебной коллегией по гражданским делам Седьмого кассационного суда общей юрисдикции неправомерными и нарушающими нормы материального и процессуального права, дело направлено на новое рассмотрение в суд первой инстанции.

(определение от 3 декабря 2024 г. №88-21416/2024)

4. Случай причинения вреда здоровью в период следования работника с работы на транспорте, используемом работодателем для производственных целей - перевозки работников, может быть признан несчастным случаем, связанным с производством.

К. обратился в суд с иском к АО «С» о признании несчастным случаем на производстве события, произошедшего с ним 8 апреля 2020 г., в результате которого ему был причинен тяжкий вред здоровью, возложении на ответчика обязанности оформить акт о несчастном случае на производстве формы Н-1, копии материалов расследования направить в филиал № 1 Фонда социального страхования Российской Федерации по округу для предоставления ему обеспечения по обязательному социальному страхованию от несчастных случаев на производстве и профессиональных заболеваний, признании недействительным акта расследования тяжелого несчастного случая от 4 июня 2020 г., взыскании с ответчика компенсации морального вреда.

В обоснование заявленных требований указал на то, что состоит в трудовых отношениях с ответчиком с 1979 г. В период с 2 по 8 апреля 2020 г. находился на вахте на месторождении, по окончании которой он должен был выехать на вахтовом автобусе в 21:00 8 апреля 2020 г. На протяжении последних двух дней вахты он чувствовал себя очень плохо, у него было повышенное артериальное давление, возможности получить медицинскую помощь на вахте он не имел. 8 апреля 2020 г., выполнив рабочее задание, он принял решение о необходимости обращения за помощью к врачу, так как самочувствие резко ухудшилось, в связи с чем в 17:30 с территории выехал на автомобиле подрядной организации, предупредив об этом других работников бригады. Однако по дороге в больницу автомобиль попал в дорожно-транспортное происшествие, в результате которого он и водитель подрядной организации получили травмы и были доставлены бригадой скорой помощи в больницу. В результате указанного происшествия ему был

причинен тяжкий вред здоровью. Ответчиком проведено расследование несчастного случая, по результатам которого составлен акт формы 4, согласно которому указанный несчастный случай признан не связанным с производством.

Решением городского суда в удовлетворении исковых требований К. отказано.

Разрешая возникший спор и отказывая в удовлетворении исковых требований, суд первой инстанции исходил из того, что несчастный случай произошел с истцом не при исполнении им своих трудовых обязанностей либо работ по заданию работодателя или в интересах работодателя, в связи с чем не может квалифицироваться как несчастный случай на производстве; совокупность собранных по делу доказательств не позволяет определить причинно-следственную связь полученного повреждения здоровья истца с условиями его производственной деятельности; травмы, полученные истцом в результате дорожно-транспортного происшествия, не являются следствием выполнения им должностных обязанностей оператора по добыче нефти и газа, а получены им в результате самовольного убытия с рабочего места (месторождения) на стороннем транспортном средстве; никаких поручений в интересах работодателя истцом не выполнялось; доказательств, свидетельствующих о том, что несчастный случай связан с производством, не представлено; наличие трудовых отношений между работниками и работодателем само по себе не может иметь определяющего значения при квалификации несчастного случая и определять его связь с производством.

Отказывая в удовлетворении требований в части признания акта расследования недействительным в связи с нарушением ответчиком порядка формирования комиссии по расследованию несчастных случаев, нарушением сроков расследования несчастных случаев, проведением расследования без учета мнения истца и Государственной инспекции труда, суд первой инстанции исходил из того, что личное участие в расследовании несчастного случая является правом потерпевшего; доказательств наличия у истца, его представителя препятствий в личном участии при проведении расследования несчастного случая, обращения с требованием об участии в расследовании несчастного случая на производстве и отказа в удовлетворении данного требования не имеется. Продление срока расследования суд расценил обоснованным, что не нарушает положений статьи 229.1 Трудового кодекса Российской Федерации; порядок формирования работы комиссии и сроки проведения расследования ответчиком не нарушены.

Суд апелляционной инстанции согласился с выводами суда первой инстанции.

С выводами судов судебная коллегия по гражданским делам Седьмого кассационного суда общей юрисдикции не согласилась, указав следующее.

По данному делу для проверки законности акта от 4 июня 2020 г. о расследовании несчастного случая, происшедшего с К., с учетом исковых

требований, возражений на них ответчика и регулирующих спорные отношения норм материального права суду необходимо было установить следующие юридически значимые обстоятельства: произошел ли несчастный случай в рабочее время в период следования К. с работы на транспорте, используемом работодателем для производственных целей – перевозки работников; имели ли место в случае с К. обстоятельства, при наличии которых несчастные случаи могут квалифицироваться как не связанные с производством, исчерпывающий перечень которых содержится в части 6 статьи 229.2 Трудового кодекса Российской Федерации.

Названные обстоятельства, имеющие значение для дела, исходя из подлежащих применению норм права, в качестве юридически значимых в полном объеме определены не были, предметом исследования и оценки суда первой инстанции в нарушение требований статей 56, 57, 67, 71 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации не являлись.

Вместо установления данных юридически значимых обстоятельств суд выяснял вопрос о том, давали ли представители работодателя истцу поручение (указание) ехать в медицинское учреждение на автомобиле, о соблюдении К. локальных актов работодателя при принятии решения о выезде с места работы для получения медицинской помощи по месту жительства вместо обращения в здравпункт АО «С», которые не являются определяющими для квалификации несчастного случая как связанного или не связанного с производством.

Вопреки выводам суда, по смыслу части 3 статьи 227 Трудового кодекса Российской Федерации наличие распоряжения работодателя об использовании транспорта имеет существенное значение только в случаях, когда несчастный случай с работником произошел при использовании им личного транспорта.

Указывая на отсутствие вины АО «С» в причинении вреда работнику К. со ссылкой на то, что травмы им получены по пути следования с места выполнения работы на автомобиле, которым истец воспользовался по своему желанию, в отсутствие распоряжения работодателя о предоставлении этого автомобиля в производственных целях, и что именно незаконные действия водителя указанного автомобиля, нарушившего правила дорожного движения, находились в причинно-следственной связи с произошедшим дорожно-транспортным происшествием, повлекшим тяжкие последствия для здоровья К., суд не принял во внимание нормы трудового законодательства, устанавливающие обязанность работодателя по обеспечению работнику безопасных условий и охраны труда, и не применил эти нормы.

Вывод суда о том, что автомобиль, перемещаясь на котором истец получил травмы, не предоставлялся работодателем, сделан без оценки доводов К. и имеющихся в деле доказательств.

Так, К. указывал, что автомобиль был закреплен за бригадой № 2 для перевозки работников. Аналогичные пояснения дал в ходе расследования несчастного случая исполняющий обязанности мастера Ф.

В материалы дела ответчиком представлен договор на оказание транспортных услуг с ООО «А», предметом которого является оказание транспортных услуг (технологическим транспортом – грузоподъемной техникой, технологическим транспортом – грузоперевозящей техникой, вахтовым транспортом, технологическим транспортом (сварочной техникой), технологическим транспортом – тракторно-землеройной техникой) (пункт 2.1).

В пункте 4.7 акта о расследовании несчастного случая также указано, что автомобиль закреплен за бригадой № 2, использовался для перевозки работников от бригадного участка к месту выполнения работ и обратно.

Вывод суда о том, что работодатель обеспечил К. и другим работникам возможность получить медицинскую помощь на месте выполнения работ в здравпунктах, расположенных на территории ряда месторождений, также сделан без надлежащей оценки доводов истца о том, что он не имел реальной возможности воспользоваться такой помощью, учитывая, что ближайший здравпункт был расположен в 60 км от его места работы, на другом месторождении, в связи с повышением давления в течение нескольких дней, плохим самочувствием и отсутствием гипотензивных средств переживал за свое здоровье, опасаясь возникновения инсульта, в связи с чем принял решение не дожидаться вахтового автобуса, который должен был прибыть в 21:00, поехал в город на другом транспортном средстве, используемом работодателем в производственных целях для перевозки персонала. Из представленного ответчиком локального акта - Положения «Об организации на объектах экстренной медицинской помощи» не усматривается, что на месторождении организован здравпункт.

Определением судебной коллегии по гражданским делам Седьмого кассационного суда общей юрисдикции решение городского суда и апелляционное определение судебной коллегии по гражданским делам суда автономного округа отменены, дело направлено на новое рассмотрение в суд первой инстанции.

При новом рассмотрении дела решением городского суда, оставленным без изменения апелляционным определением судебной коллегии по гражданским делам суда автономного округа, произошедшее 8 апреля 2020 г. с К. событие признано несчастным случаем на производстве. На АО «С» возложена обязанность оформить акт о несчастном случае на производстве в отношении К. по форме Н-1 и направить в Фонд социального страхования Российской Федерации по автономному округу копии материалов расследования для предоставления К. обеспечения по обязательному социальному страхованию от несчастных случаев на производстве и профессиональных заболеваний. Признан недействительным акт

расследования тяжелого несчастного случая от 4 июня 2020 г. Взыскана с АО «С» в пользу К. компенсация морального вреда.

Судебная коллегия по гражданским делам Седьмого кассационного суда общей юрисдикции согласилась с выводами судов, изложенными при повторном рассмотрении данного дела.

(определения от 23 ноября 2021 г. № 88-17095/2021
и от 12 января 2023 г. № 88-707/2023)

5. Смерть работника в результате общего заболевания (например, болезни сердца) может быть признана судом несчастным случаем, связанным с производством, в связи с чем его родные вправе рассчитывать на получение компенсации морального вреда.

М., действующая в своих интересах и в интересах несовершеннолетнего П.А.И., С.Д.А., а также третьи лица с самостоятельными требованиями П., П.Н.И. обратились в суд с иском к ООО «А» о признании незаконным акта о расследовании несчастного случая со смертельным исходом; возложении обязанности квалифицировать несчастный случай как связанный с производством, в том числе составить акт о несчастном случае на производстве формы Н-1, взыскании компенсации морального вреда.

В обоснование исковых требований указали на то, что П.И.Н. работал водителем в ООО «А.» и, выполняя работу в очередном рейсе, умер в салоне автомобиля от сердечного приступа. Согласно акту о расследовании несчастного случая со смертельным исходом комиссия пришла к выводу, что смерть наступила в результате общего заболевания. С указанным выводом истцы не согласились, ссылаясь на допущенные в отношении П.И.Н. со стороны работодателя нарушения режима труда и отдыха водителя. Полагают, что причинами, вызвавшими несчастный случай, являлись грубые нарушения работодателем требований по охране труда: привлечение П.И.Н. к работе за пределами нормальной продолжительности рабочей недели и непредоставление ежегодного оплачиваемого отпуска. В результате допущенных работодателем нарушений трудового законодательства у водителя П.И.Н. возникло значительное переутомление, которое могло стать причиной развития болезни и в конечном счете привести к несчастному случаю.

Решением суда первой инстанции, оставленным без изменения апелляционным определением судебной коллегии по гражданским делам областного суда, в удовлетворении исковых требований отказано.

Отменяя судебные постановления нижестоящих судов и направляя дело на новое рассмотрение в суд первой инстанции, судебная коллегия по гражданским делам Седьмого кассационного суда общей юрисдикции, руководствуясь Трудовым кодексом Российской Федерации, постановлением Правительства Российской Федерации от 25 февраля 2000 года № 163,

которым утвержден Перечень тяжелых работ и работ с вредными или опасными условиями труда, Порядком проведения обязательных предварительных (при поступлении на работу) и периодических медицинских осмотров (обследований) работников, занятых на тяжелых работах и на работах с вредными и (или) опасными условиями труда (приложение № 3 к приказу Министерства здравоохранения и социального развития Российской Федерации от 12 апреля 2011 г. № 302-н), указала на то, что работники, занятые на работах с вредными и (или) опасными условиями труда, к которым в том числе относится работа по профессии «водитель автомобиля», проходят обязательные предварительные (при поступлении на работу) и периодические медицинские осмотры для определения пригодности этих работников для выполнения поручаемой работы, предупреждения профессиональных заболеваний и несчастных случаев на производстве. Вредные и (или) опасные производственные факторы и работы, при выполнении которых проводятся обязательные предварительные и периодические медицинские осмотры, порядок проведения таких осмотров определяются уполномоченным федеральным органом исполнительной власти. По окончании прохождения работником медицинского осмотра медицинской организацией оформляется заключение с указанием результата предварительного осмотра (обследования). При выявлении у работника по результатам прохождения медицинского осмотра заболевания, относящегося к медицинским противопоказаниям для выполнения поручаемой работы, работодатель не вправе допускать такого работника к исполнению им трудовых обязанностей.

Вместе с тем суды нижестоящих инстанций при рассмотрении исковых требований положения указанных нормативных правовых актов не применили, не установили обстоятельств того, являлось ли противопоказанием к управлению транспортными средствами имеющееся у истца заболевание, сведения о котором содержатся в паспорте здоровья (гипертензивная (гипертоническая) болезнь с преимущественным поражением сердца, ишемическая болезнь), оформленном при приеме П.И.Н. на работу к ответчику.

Установив, что П.И.Н. работал в ООО «А.» и управлял транспортным средством в соответствии с водительским удостоверением на управление транспортным средством категории «С», суды не приняли во внимание также то обстоятельство, что вышеприведенный Перечень работ содержит противопоказания к управлению транспортными средствами «категории С», которыми являются ишемическая болезнь сердца: стенокардия нестабильная, стенокардия напряжения, ФК III, нарушения сердечного ритма высокой градации либо сочетание указанных состояний; гипертоническая болезнь II - III ст., и указано, что при гипертонической болезни 1 ст. допуск осуществляется индивидуально при условии ежегодного освидетельствования. Суды не выяснили, входило ли заболевание П.И.Н. в вышеуказанный Перечень и являлось ли противопоказанием к управлению

транспортным средством по категории «С».

Ссылаясь на положения статьи 329 Трудового кодекса Российской Федерации и действующий в период возникновения спорных правоотношений приказ Министерства транспорта Российской Федерации от 20 августа 2004 г. № 15, регламентирующие особенности режима рабочего времени и времени отдыха, в том числе водителей автомобилей, судебная коллегия по гражданским делам Седьмого кассационного суда общей юрисдикции указала, что суды не дали правовой оценки доводам истцов о переработках П.И.Н. и отсутствию полноценного отдыха, следовательно, не установили юридически значимые обстоятельства, а именно: работал ли П.И.Н. сверх нормальной продолжительности рабочего времени, какое количество часов фактически им отработано, предоставлялись ли работнику дни отдыха между командировками и какой продолжительности, соблюдался ли график отпусков в отношении работника, период предоставления ежегодного оплачиваемого отпуска работнику.

С учетом того, что трудовым договором предусмотрена материальная ответственность работника за сохранность вверенного груза, а кабина машины не оборудована спальным местом, П.И.Н. во время командировок вынужден был не покидать своего рабочего места круглосуточно, в связи с чем суды также не установили: были ли созданы для водителя условия для полноценного отдыха во время нахождения в командировке; разработан ли работодателем маршрут поездки, в котором работник для получения полноценного отдыха после дороги имел возможность остановиться на охраняемой стоянке, переночевать в гостиничном комплексе; все ли необходимые условия для отдыха были обеспечены работодателем; в случае подтверждения вышеприведенных факторов, могли ли они привести к обострению заболевания у П.И.Н., в результате которого наступила смерть.

С учетом изложенного решение городского суда и апелляционное определение судебной коллегии по гражданским делам областного суда были отменены, дело направлено на новое рассмотрение в суд первой инстанции.

(определение от 14 декабря 2023 г. № 88-21749/2023)

6. Размер компенсации морального вреда, присужденной к взысканию с работодателя в пользу работника, в связи с причинением вреда здоровью вследствие несчастного случая на производстве, должен быть обоснован в том числе с учетом степени вины работодателя в произошедшем несчастном случае.

К. обратился в суд с иском к АО «ЮГК» о взыскании компенсации морального вреда.

В обоснование заявленных требований указал на то, что был принят на работу в качестве подземного проходчика и во время исполнения трудовых обязанностей получил множественные травмы, в результате чего ему присвоена 2 группа инвалидности, он практически потерял зрение и слух.

Решением районного суда иски удовлетворены частично.

Судом апелляционной инстанции решение суда первой инстанции изменено, размер компенсации морального вреда, подлежащий взысканию в пользу К., увеличен.

Судами установлено, что с истцом при выполнении им трудовых обязанностей в качестве подземного проходчика на шахте АО «ЮГК» произошел несчастный случай, о чем работодателем составлен акт о несчастном случае на производстве.

Согласно акту о несчастном случае на производстве главным инженером шахты было выдано письменное наряд-задание, в том числе работнику К., о взятии проб на наличие допустимых концентраций газов, проверке исправности оборудования и инструментов, подготовке забоя к взрывным работам. Для выполнения поставленной задачи истец К. с другим проходчиком спустились в шахту на горизонт 812 метров, произвели отбор проб на наличие предельно допустимых концентраций газов, проверили исправность оборудования и инструментов и начали бурить шпур. Затем работники взяли взрывчатые материалы и приступили к заряданию забоя, когда при зарядке двух патронов аммонита произошел неконтролируемый взрыв, в результате чего проходчики получили травмы.

Из акта следует, что несчастный случай произошел вследствие аварии на опасном производственном объекте в результате неконтролируемого взрыва заряда и причинами несчастного случая явились применение электродетонаторов со значениями электрического сопротивления, не соответствующими технической документации, допуск к работам повышенной опасности проходчиков без прохождения соответствующего обучения по профессии «взрывник» с выдачей Единой книжки взрывника на право производства взрывных работ в подземных выработках и на поверхности рудников (объектов горно-рудной и нерудной промышленности), не опасных по газу или пыли, не прошедших соответствующую стажировку, недостатки организации и осуществления производственного контроля в части допуска к работе по заряданию забоя проходчиками без наряда на выполнение работ, без прохождения соответствующего обучения, необеспечение хранения взрывчатых материалов в сейфах временного хранения, что не исключало доступ к взрывчатым материалам лиц, не имеющих право обращения с взрывчатыми материалами, ненадлежащее осуществление входного контроля в части приемки электродетонаторов, отсутствие контроля со стороны лиц технического надзора при зарядке забоя, нарушение порядка выдачи наряд-путевок лицам, не отчитавшимся за расход взрывчатых материалов по ранее полученным наряд-путевкам.

По результатам проведения медико-социальной экспертизы степень утраты профессиональной трудоспособности К. составила 70%, установлена 2 группа инвалидности в связи с трудовым увечьем (инвалид по зрению).

Разрешая спор и частично удовлетворяя иски требования о взыскании компенсации морального вреда, суд первой инстанции, руководствуясь положениями Трудового кодекса Российской Федерации, Гражданского кодекса Российской Федерации, исходил из того, что работодатель не обеспечил безопасные условия труда в соответствии с положениями действующего трудового законодательства, в связи с чем произошел несчастный случай на производстве, в результате которого К. был причинен вред здоровью, следовательно, ответчик обязан возместить истцу моральный вред.

При определении размера подлежащей взысканию в пользу К. компенсации морального вреда, суд первой инстанции учел нарушения охраны труда со стороны работодателя, характер страданий истца, испытываемую им физическую боль в связи с полученными травмами, возраст истца, степень утраты им профессиональной трудоспособности, наличие установленной инвалидности, невозможность ведения самостоятельного быта и нуждаемость в постоянной помощи, прохождение медицинских процедур и оперативных вмешательств, отсутствие его вины в причинении вреда, а также требования разумности и справедливости.

Суд апелляционной инстанции согласился с выводом суда первой инстанции о привлечении к гражданско-правовой ответственности АО «ЮГК», но не согласился с размером компенсации морального вреда, взысканного в пользу К., увеличил его с учетом фактически установленных обстоятельств и последствий причинения вреда здоровью.

Судебная коллегия по гражданским делам Седьмого кассационного суда общей юрисдикции не согласилась с выводами суда апелляционной инстанции об определении размера компенсации морального вреда, указав на неполно выясненные судом обстоятельства, нарушение норм материального права, регулирующего взыскание компенсации морального вреда, причиненного работнику в результате несчастного случая на производстве, и нарушение норм процессуального права.

Суд кассационной инстанции указал на то, что суд апелляционной инстанции, сославшись на выводы акта о несчастном случае на производстве, вместе с тем оценку им при определении размера компенсации морального вреда, подлежащего взысканию в пользу истца, не дал и не учел степень вины работодателя в произошедшем несчастном случае с К., который повлек для мужчины в молодом трудоспособном возрасте причинение тяжкого вреда здоровью и установление инвалидности 2 группы. Кроме того, судом апелляционной инстанции не дана оценка доводам истца о том, что после взрыва в шахте он вместе с другим проходчиком, держась друг за друга, несмотря на полученные повреждения, испытываемые страдания и страх, на

ощупь пытались выбраться из шахты самостоятельно, без помощи со стороны работодателя.

Суд кассационной инстанции указал суду апелляционной инстанции, что при разрешении дела следовало также выяснить, мог ли К., работая в качестве подземного проходчика, быть допущен к выполнению работ на производстве взрывных работ в подземных выработках и на поверхности рудников.

Ввиду изложенного судебное постановление суда апелляционной инстанции было признано незаконным, что повлекло его отмену с направлением дела на новое рассмотрение в суд апелляционной инстанции.

(определение от 24 декабря 2024 г. № 88-23223/2024).

7. При обращении работника за взысканием компенсации морального вреда в связи с установлением профессионального заболевания и утраты профессиональной трудоспособности при трудоустройстве у нескольких работодателей, определение размера взыскиваемой компенсации необходимо производить, в том числе, с учетом стажа работы истца у ответчика в процентном соотношении времени работы к общему стажу работы во вредных условиях труда у других работодателей.

А. обратился с иском к АО «А» о взыскании компенсации морального вреда вследствие профессионального заболевания в размере 1 000 000 руб.

В обоснование требований указал на то, что работал в условиях воздействия вредных веществ и неблагоприятных производственных факторов 28 лет 10 месяцев, из них на подземных работах в условиях Крайнего Севера на шахтах в профессиях горнорабочего очистного забоя 5 разряда и подземного проходчика 5 разряда вахтовым методом с 2009 г. по 2022 г. (13 лет). В период работы он проходил наблюдение и лечение в клиниках. В 2017 г. на основании подозрения на профессиональное заболевание Управлением Роспотребнадзора составлена санитарно-гигиеническая характеристика условий труда по выяснению обстоятельств и причин возникновения у него профессионального заболевания. В 2019 г. ему впервые установлены профессиональные заболевания. В январе 2024 г. ему определено 30% утраты профессиональной трудоспособности, разработана программа реабилитации пострадавшего на производстве вследствие профессиональных заболеваний.

Решением городского суда исковые требования удовлетворены частично: с АО «А» в пользу А. взыскана компенсация морального вреда.

Разрешая возникший спор, суд первой инстанции исходил из того, что стаж работы А. в условиях воздействия неблагоприятных производственных факторов составляет 28 лет 10 месяцев, из которых 3 года 10 месяцев он работал в АО «А»; профессиональные заболевания истцу установлены 24 ноября 2023 г. в период работы у ответчика; заболевания возникли

вследствие длительного воздействия на организм производственных факторов - шума, вибрации и комплекса неблагоприятных факторов на протяжении всего профессионального маршрута; в результате полученных заболеваний истец испытывает физические и нравственные страдания; в связи с наличием причинно-следственной связи между причинением вреда здоровью истца и неблагоприятными факторами на рабочем месте – общей вибрации и производственного шума, необеспечением работодателем здоровых и безопасных условий труда, пришел к выводу о наличии оснований для взыскания с ответчика компенсации морального вреда, определив его размер в сумме 350 000 руб.

Суд апелляционной инстанции согласился с выводами суда первой инстанции о наличии правовых оснований для возложения на ответчика обязанности по компенсации морального вреда, поскольку имеющиеся у истца профессиональные заболевания возникли, в том числе, в период работы у ответчика АО «А», где он, работая в качестве подземного проходчика на протяжении 03 лет 10 месяцев, подвергался воздействию вредных производственных факторов: локальной вибрации, тяжести трудового процесса.

Между тем суд апелляционной инстанции не согласился с размером взысканной компенсации морального вреда, поскольку причиной профессиональных заболеваний А. явилось длительное воздействие на организм работника вредных производственных факторов в результате работы в подземных условиях в течение 28 лет 10 месяцев, то есть не только в АО «А.», но и в других организациях.

Изменяя решение суда и взыскивая с АО «А» в пользу истца компенсацию морального вреда в размере 130 000 руб., суд апелляционной инстанции исходил из того, что А. в период с 1993 г. по 2009 г. работал электрогазосварщиком, подземным путевым рабочим, подземным горнорабочим в шахте «Ч», ОАО «С», в периоды с 18 августа 2009 г. по 2013 г., с 2013 г. по 2019 г. в качестве подземного горнорабочего в АО «К.», где в процессе трудовой деятельности также подвергался воздействию вредных факторов, превышающих допустимые уровни, в связи с чем размер компенсации морального вреда, подлежащей взысканию с ответчика, следует определять с учетом стажа работы А. в процентном соотношении времени работы к общему стажу работы во вредных условиях труда, что составляет 13% к общему стажу указанной работы (45 месяцев (стаж работы у ответчика)/346 месяцев (общий стаж работы во вредных условиях) x 100%).

Судебная коллегия по гражданским делам Седьмого кассационного суда общей юрисдикции согласилась с выводами суда апелляционной инстанции.

(определение от 6 марта 2025 г. № 88-3608/2025)

8. Наличие или отсутствие у работника профессионального заболевания, полученного им в период работы во вредных или тяжелых

условиях труда, может быть установлено только уполномоченным медицинским учреждением в порядке, установленном Правительством Российской Федерации. Диагноз в виде профессионального заболевания может быть установлен или отменен только центром профпатологии.

Б. обратился в суд с иском к ООО «ГДУ» о взыскании компенсации морального вреда.

В обоснование заявленных требований Б. сослался на то, что при трудоустройстве к ответчику противопоказаний к работе и заболеваний не имел, длительное время работал машинистом экскаватора в ООО «ГДУ». Летом 2014 г. у него были выявлены признаки профессионального заболевания - нейросенсорной тугоухости смешанной этиологии (шумовой, сосудистой) с легкой степенью снижения слуха, стадии «А», в связи с чем комиссией врачей с участием представителя работодателя составлен акт о случае профессионального заболевания. Заболевание является неизлечимым и прогрессирует. Ему установлена утрата трудоспособности 30% бессрочно. Актом о случае профессионального заболевания установлено, что причиной профессионального заболевания послужила длительная работа в условиях длительного воздействия на организм повышенного уровня шума, инфразвука. Полагает, что по вине ответчика он получил профессиональное заболевание, которое доставляет ему физические и нравственные страдания.

Решением районного суда, оставленным без изменения апелляционным определением судебной коллегии по гражданским делам областного суда, с ООО «ГДУ» в пользу Б. взыскана компенсация морального вреда.

Разрешая исковые требования, суд первой инстанции, руководствуясь статьями 150, 151, 1064, 1099 Гражданского кодекса Российской Федерации, статьями 21, 22, 210, 214, 237 Трудового кодекса Российской Федерации, исходил из того, что имеются основания для компенсации морального вреда Б. в связи с превышением уровня шума на его рабочем месте с 2010 г., необеспечением работнику безопасных условий труда. При этом суд первой инстанции пришел к выводу, что имеющиеся у истца заболевания не являются профессиональными.

Суд не принял во внимание акт о случае профессионального заболевания № 2 от 10 июля 2021 г., утвержденный Главным государственным санитарным врачом автономного округа, указав, что данный акт был оценен экспертами при составлении заключения медицинской экспертизы.

Проверяя решение суда первой инстанции, суд апелляционной инстанции согласился с выводами суда.

Судебная коллегия по гражданским делам Седьмого кассационного суда общей юрисдикции не согласилась с выводами судов первой и апелляционной инстанций, указав следующее.

В соответствии с абзацем одиннадцатым статьи 3 Федерального закона «Об обязательном социальном страховании от несчастных случаев на производстве и профессиональных заболеваний» профессиональное заболевание - хроническое или острое заболевание застрахованного, являющееся результатом воздействия на него вредного (вредных) производственного (производственных) фактора (факторов) и повлекшее временную или стойкую утрату им профессиональной трудоспособности и (или) его смерть.

Согласно части 4 статьи 63 Федерального закона «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» экспертиза связи заболевания с профессией проводится в целях установления причинно-следственной связи заболевания с профессиональной деятельностью.

Экспертиза связи заболевания с профессией проводится специализированной медицинской организацией или специализированным структурным подразделением медицинской организации в области профессиональной патологии при выявлении профессионального заболевания. По результатам экспертизы связи заболевания с профессией выносится медицинское заключение о наличии или об отсутствии профессионального заболевания (часть 5 статьи 63 Федерального закона «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации»).

Порядок проведения экспертизы связи заболевания с профессией и форма медицинского заключения о наличии или об отсутствии профессионального заболевания устанавливаются уполномоченным федеральным органом исполнительной власти (часть 6 статьи 63 Федерального закона «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации»).

Порядок установления наличия профессионального заболевания установлен Положением о расследовании и учете профессиональных заболеваний, утвержденным постановлением Правительства Российской Федерации от 15 декабря 2000 г. № 967 (далее - Положение о расследовании и учете профессиональных заболеваний).

В целях разъяснения применения Положения о расследовании и учете профессиональных заболеваний приказом Министерства здравоохранения Российской Федерации от 28 мая 2001 г. № 176 утверждена Инструкция о порядке применения указанного Положения.

В пункте 11 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 10 марта 2011 г. № 2 «О применении судами законодательства об обязательном социальном страховании от несчастных случаев на производстве и профессиональных заболеваний» разъяснено, что под профессиональным заболеванием понимается острое или хроническое заболевание застрахованного, являющееся результатом воздействия на него вредного (вредных) производственного (производственных) фактора

(факторов) и повлекшее временную или стойкую утрату им профессиональной трудоспособности.

При рассмотрении дел о возмещении вреда, причиненного здоровью в результате возникновения у застрахованного профессионального заболевания, необходимо иметь в виду, что в силу указанного Положения заключительный диагноз - профессиональное заболевание имеют право устанавливать впервые только специализированные лечебно-профилактические учреждения, клиники или отделы профессиональных заболеваний медицинских научных учреждений или их подразделения (далее - центр профессиональной патологии).

Установленный диагноз может быть отменен или изменен только центром профессиональной патологии в порядке, предусмотренном пунктом 16 Положения о расследовании и учете профессиональных заболеваний.

Из приведенных нормативных положений и разъяснений Верховного Суда Российской Федерации следует, что профессиональным заболеванием признается заболевание застрахованного лица, явившееся результатом воздействия на него вредного производственного фактора, повлекшее временную или стойкую утрату им профессиональной трудоспособности. Для установления причинной связи между фактом повреждения здоровья работника и воздействием на него вредного производственного фактора уполномоченным медицинским учреждением проводится экспертиза, по результатам которой выносится медицинское заключение о наличии или отсутствии профессионального заболевания. Установленный диагноз - острое или хроническое профессиональное заболевание (отравление) может быть изменен или отменен центром профессиональной патологии на основании результатов дополнительно проведенных исследований и экспертизы. Рассмотрение особо сложных случаев профессиональных заболеваний возлагается на Центр профессиональной патологии Министерства здравоохранения Российской Федерации. Разногласия по вопросам установления диагноза профессионального заболевания и его расследования рассматриваются органами и учреждениями государственной санитарно-эпидемиологической службы Российской Федерации, Центром профессиональной патологии Министерства здравоохранения Российской Федерации, федеральной инспекцией труда, страховщиком или судом.

Разрешая спор и приходя к выводу об отсутствии у Б. профессионального заболевания, положив в основу такого вывода заключение судебной медицинской экспертизы от 02 марта 2022 г., суды первой и апелляционной инстанций вышеприведенное правовое регулирование при рассмотрении спора не учли.

Вместе с тем из материалов дела следует, что истцу диагноз - хроническое профессиональное заболевание был установлен в порядке, предусмотренном Положением о расследовании и учете профессиональных заболеваний.

Так, на основании извещения об установлении предварительного диагноза острого или хронического профессионального заболевания (отравления) № 15 от 17 июля 2013 г. составлена санитарно-гигиеническая характеристика условий труда работника при подозрении у него профессионального заболевания (отравления) № 1 от 20 января 2014 г., утвержденная Главным государственным санитарным врачом округа 21 января 2014 г.

Согласно медицинскому заключению, выданному 5 мая 2014 г. Медицинским научным центром Роспотребнадзора, установленное у Б. заболевание является профессиональным.

10 июля 2014 г. составлен акт № 2 о случае профессионального заболевания. Согласно пункту 20 указанного акта заболевание Б. является профессиональным. Непосредственной причиной заболевания послужило длительное воздействие на организм человека уровня шума и инфразвука.

На основании акта о случае профессионального заболевания № 2 от 10 июля 2014 года Б. установлено 30% степени утраты профессиональной трудоспособности бессрочно, что подтверждается справкой от 12 мая 2017 г.

Сведений об отмене в установленном порядке Б. диагноза – хроническое профессиональное заболевание не имеется. Установленный истцу диагноз - хроническое профессиональное заболевание не оспорен, акт о случае профессионального заболевания не отменен, незаконным не признан.

Суд апелляционной инстанции недостатки, допущенные судом первой инстанции, не устранил.

Учитывая изложенное, суд кассационной инстанции отменил решение суда первой инстанции и апелляционное определение областного суда с направлением дела на новое рассмотрение в суд первой инстанции.

(определение от 26 января 2023 г. № 88-1363/2023)

Выводы

В целом по результатам проведенного обобщения необходимо отметить, что судами гражданские дела указанной категории разрешаются в основном правильно и в предусмотренные Гражданским процессуальным кодексом Российской Федерации сроки.

Трудовое законодательство закрепляет обязанность работодателя по обеспечению безопасных условий и охраны труда в силу безусловного права каждого работника на рабочее место, соответствующее требованиям охраны труда, а также гарантии и компенсации, если он занят на работах с вредными и (или) опасными условиями труда.

В связи с чем судам при рассмотрении указанной категории дел следует внимательно подходить к выяснению обстоятельств, имеющих юридическое значение для дела, тщательной оценке представленных

сторонами доказательств, а также правильному применению норм материального и процессуального права к спорным правоотношениям.

Судебная коллегия по гражданским делам

Седьмого кассационного суда общей юрисдикции

УТВЕРЖДЕНО
постановлением президиума
Седьмого кассационного
суда общей юрисдикции
от 22 августа 2025 года №12

СПРАВКА

по отдельным вопросам судебной практики, связанным с особенностями рассмотрения споров, вытекающих из договоров аренды.

По результатам изучения и обобщения рассмотренных дел, в целях обеспечения единообразного подхода к разрешению судами споров, вытекающих из договоров аренды, судебная коллегия по гражданским делам Седьмого кассационного суда общей юрисдикции предлагает для изучения следующие правовые позиции.

1. При заключении без согласия арендодателя договора о передаче прав и обязанностей по договору аренды земельного участка к новому арендатору переходит обязанность по внесению арендной платы за все периоды пользования имуществом, в том числе до вступления нового арендатора в договор аренды.

ТУ Росимущества обратилось в суд с иском к М. о взыскании задолженности по договору аренды за период с 01.01.2016 по 31.08.2020.

В обоснование иска указано, что 23.11.2015 между ТУ Росимущества и ЗАО «А.» заключен договор аренды земельного участка, в соответствии с которым в пользование арендатору ЗАО «А.» передан земельный участок на срок до 18.03.2022. 20.04.2018 между ЗАО «А.» и М. заключен договор о передаче прав и обязанностей по договору аренды указанного земельного участка. Принятые на себя обязательства по договору аренды земельного участка М. исполняет ненадлежащим образом, имеет задолженность по договору аренды за период с 01.01.2016 по 31.08.2020.

Разрешая исковые требования, суд первой инстанции, с выводами которого согласился суд апелляционной инстанции, руководствуясь статьей 614 Гражданского кодекса Российской Федерации, пришел к выводу об отсутствии оснований для удовлетворения исковых требований ТУ Росимущества о взыскании задолженности за период с 01.01.2016 по 19.04.2018, указав, что соответствующие долги по договору аренды не перешли к арендатору.

Кассационный суд общей юрисдикции с выводами нижестоящих судов не согласился.

Согласно пункту 1 статьи 614 Гражданского кодекса Российской Федерации арендатор обязан своевременно вносить плату за пользование

имуществом (арендную плату). Порядок, условия и сроки внесения арендной платы определяются договором аренды.

По общему правилу, закрепленному в пункте 2 статьи 391 Гражданского кодекса Российской Федерации, перевод должником своего долга на другое лицо допускается с согласия кредитора и при отсутствии такого согласия является ничтожным.

В то же время в соответствии с пунктом 9 статьи 22 Земельного кодекса Российской Федерации при аренде земельного участка, находящегося в государственной или муниципальной собственности, на срок более чем пять лет арендатор земельного участка имеет право, если иное не установлено федеральными законами, в пределах срока договора аренды земельного участка передавать свои права и обязанности по этому договору третьему лицу, в том числе права и обязанности, указанные в пунктах 5 и 6 настоящей статьи, без согласия арендодателя при условии его уведомления.

На основании статьи 392.3 Гражданского кодекса Российской Федерации в случае одновременной передачи стороной всех прав и обязанностей по договору другому лицу (передача договора) к сделке по передаче соответственно применяются правила об уступке требования и о переводе долга.

Как следует из разъяснений, данных в пункте 29 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 21.12.2017 № 54 «О некоторых вопросах применения положений главы 24 Гражданского кодекса Российской Федерации о перемене лиц в обязательстве на основании сделки», по смыслу статьи 392.3 Гражданского кодекса Российской Федерации стороны договора и третье лицо вправе согласовать переход всех прав и обязанностей одной из сторон договора третьему лицу. В этом случае к третьему лицу переходит комплекс прав и обязанностей по договору в целом, в том числе в отношении которых не предполагается совершение отдельной уступки или перевода долга, в частности, по отношению к третьему лицу, вступившему в договор, у кредитора сохраняется право на безакцептное списание денежных средств, если это право было предоставлено кредитору по отношению к первоначальному должнику.

По смыслу статей 392.3 и 391 Гражданского кодекса Российской Федерации, если с согласия арендодателя арендатор и третье лицо заключили договор перенайма, то третье лицо полностью заменяет первоначального должника в отношениях с кредитором и обязано вносить арендную плату за все периоды пользования имуществом, в том числе до вступления в договор, если в соглашении о передаче договора не предусмотрено иное. Вместе с тем, если такой перенаям правомерно происходит без согласия арендодателя, например, в случае, предусмотренном пунктом 5 статьи 22 Земельного кодекса Российской Федерации, первоначальный и новый арендаторы, по общему правилу, несут солидарную ответственность перед арендодателем за встречное исполнение в ответ на исполнение, осуществленное арендодателем

до заключения соглашения о передаче договора (статья 323 Гражданского кодекса Российской Федерации).

В соответствии со статьей 323 Гражданского кодекса Российской Федерации при солидарной обязанности должников кредитор вправе требовать исполнения как от всех должников совместно, так и от любого из них в отдельности, притом как полностью, так и в части долга. Кредитор, не получивший полного удовлетворения от одного из солидарных должников, имеет право требовать недополученное от остальных солидарных должников. Солидарные должники остаются обязанными до тех пор, пока обязательство не исполнено полностью.

Данная норма устанавливает право кредитора требовать исполнения обязательств как со всех солидарных должников, так и с одного с последующим возникновением права регресса у последнего.

Из приведенных правовых норм и акта их толкования следует, что при заключении без согласия арендодателя договора о передаче прав и обязанностей по договору аренды земельного участка к новому арендатору переходит обязанность по внесению арендной платы за все периоды пользования имуществом, в том числе до его вступления в договор аренды.

Между тем суд первой и апелляционной инстанции, отказывая во взыскании с ответчика М. задолженности по арендной плате за период с 01.01.2016 по 19.04.2018 (до заключения М. договора о передаче прав и обязанностей по договору аренды земельного участка), не применили положения статей 323, 391, 392.3 Гражданского кодекса Российской Федерации, с учетом разъяснений, данных в пункте 29 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 21.12.2017 № 54 «О некоторых вопросах применения положений главы 24 Гражданского кодекса Российской Федерации о перемене лиц в обязательстве на основании сделки».

Определение № 88-13192/2021

2. С момента возникновения права собственности на нежилое помещение к ответчикам как к сингулярным правопреемникам перешли права и обязанности по договору аренды земельного участка, с учетом чего на них распространяются все условия данного договора аренды, в том числе об уплате неустойки за нарушение обязанности по внесению арендной платы.

Администрация обратилась в суд с иском к С.А., С.Е. о солидарном взыскании задолженности по договору аренды земельного участка. Требования мотивированы тем, что по договору от 28.09.2009 ЗАО «К.» передан в аренду земельный участок, для строительства и дальнейшей эксплуатации гостиниц и пристроенного паркинга на 180 машино-мест. Ответчики, приобретшие в собственность нежилое помещение, площадью 37,1 кв.м, расположенное на указанном земельном участке, не исполняют обязанность по внесению арендной платы за земельный участок, в связи с чем

образовалась задолженность, в том числе пени за несвоевременное внесение арендной платы.

Суд первой инстанции, с выводами которого согласился суд апелляционной инстанции, удовлетворяя исковые требования Администрации о взыскании задолженности по арендной плате, руководствуясь статьями 271, 552 Гражданского кодекса Российской Федерации, исходил из того, что ответчики, являясь собственниками нежилого помещения, фактически пользуются соответствующей частью земельного участка без внесения платы. Отказывая в удовлетворении исковых требований о взыскании неустойки, суды указали на отсутствие доказательств осведомленности ответчиков о наличии обязательств перед истцом, доказательств направления им платежных документов, в том числе расчетов арендной платы, доказательств заключения с ответчиками дополнительного соглашения к договору аренды в связи с переходом к ним прав на объект недвижимости, расположенный на арендованном земельном участке.

Кассационный суд общей юрисдикции с выводами нижестоящих судов об отсутствии оснований для взыскания неустойки не согласился, отменив судебные акты в данной части.

Суд кассационной инстанции исходил из того, что согласно пункту 1 статьи 552 Гражданского кодекса Российской Федерации по договору продажи здания, сооружения или другой недвижимости покупателю одновременно с передачей права собственности на такую недвижимость передаются права на земельный участок, занятый такой недвижимостью и необходимый для ее использования.

Продажа недвижимости, находящейся на земельном участке, не принадлежащем продавцу на праве собственности, допускается без согласия собственника этого участка, если это не противоречит условиям пользования таким участком, установленным законом или договором. При продаже такой недвижимости покупатель приобретает право пользования соответствующим земельным участком на тех же условиях, что и продавец недвижимости (пункт 3 статьи 552 Гражданского кодекса Российской Федерации).

В силу пункта 1 статьи 35 Земельного кодекса Российской Федерации при переходе права собственности на здание, сооружение, находящиеся на чужом земельном участке, к другому лицу оно приобретает право на использование соответствующей части земельного участка, занятой зданием, сооружением и необходимой для их использования, на тех же условиях и в том же объеме, что и прежний их собственник. В случае перехода права собственности на здание, сооружение к нескольким собственникам порядок пользования земельным участком определяется с учетом долей в праве собственности на здание, сооружение или сложившегося порядка пользования земельным участком.

В абзаце 2 пункта 14 постановления Пленума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 24.03.2005 № 11 «О некоторых вопросах, связанных с применением земельного законодательства» разъяснено, что покупатель здания, строения, сооружения, находящихся на земельном участке, принадлежащем продавцу на праве аренды, с момента регистрации перехода права собственности на такую недвижимость приобретает право пользования земельным участком, занятым зданием, строением, сооружением и необходимым для их использования на праве аренды, независимо от того, оформлен ли в установленном порядке договор аренды между покупателем недвижимости и собственником земельного участка.

Таким образом, с момента возникновения права собственности на нежилое помещение ответчики приобрели права и обязанности по договору аренды земельного участка, считающемуся заключенным со множественностью лиц на стороне арендатора, то есть являются сингулярными правопреемниками арендатора. В связи с этим на них распространяются все условия договора аренды, в том числе и в части неустойки, независимо от заключения дополнительного соглашения к договору аренды.

Письменная форма соглашения о неустойке, как того предписывают положения статьи 331 Гражданского кодекса Российской Федерации, в данном случае соблюдена.

Определение № 88-3092/2022

3. По общему правилу сроки внесения арендной платы определяются договором аренды. При этом изменение регулируемого размера арендной платы не влечет за собой изменение определенных договором сроков ее внесения.

Администрация г. Екатеринбурга обратилась с иском к У. о взыскании задолженности по договору аренды, пени.

В обоснование требований указано, что 05.09.2003 между истцом и ПГЭЖ «Автодом-9» заключен договор аренды земельного участка, для эксплуатации гаражей боксового типа. У. является собственником гаража, расположенного на данном участке, вместе с тем обязанность по оплате арендных платежей выполняет ненадлежащим образом.

Разрешая спор, суд первой инстанции, руководствуясь статьей 271, пунктом 3 статьи 552 Гражданского кодекса Российской Федерации, пунктом 1 статьи 35 Земельного кодекса Российской Федерации, пришел к выводу о том, что при приобретении права собственности на гараж к ответчику перешло право аренды на земельный участок, на котором расположен гараж, и, следовательно, все обязательства арендатора. Применив по заявлению ответчика на основании статей 196, 200 Гражданского кодекса Российской Федерации срок исковой давности, районный суд взыскал с У. арендную плату за 2019 и 2020 годы, договорную неустойку за период с 01.12.2019 по

01.12.2020, уменьшив ее размер в соответствии со статьей 333 Гражданского кодекса Российской Федерации, исходя из обстоятельств дела, имущественного положения должника, длительности допущенной просрочки.

Суд апелляционной инстанции поддержал выводы районного суда о переходе к ответчику прав и обязанностей по договору аренды. Вместе с тем не согласился с размером взысканной арендной платы и пени. Счел, что на основании подпункта 1 пункта 8 постановления Правительства Свердловской области от 30.12.2011 № 1855-ПП «Об утверждении Положения о порядке определения размера арендной платы, порядке, условиях и сроках внесения арендной платы и ставок арендной платы за земельные участки, находящиеся в государственной собственности Свердловской области, и земельные участки, право государственной собственности на которые не разграничено, расположенные на территории Свердловской области» арендная плата подлежит внесению до 01 декабря текущего года единовременно за соответствующий год, в связи с чем срок исковой давности за 2018 год истцом не пропущен. С учетом изменения размера подлежащей взысканию арендной платы и срока ее внесения, суд апелляционной инстанции иным образом рассчитал неустойку, пришел к выводу об отсутствии оснований для ее уменьшения, учитывая период просрочки, незначительность взыскиваемой суммы.

Суд кассационной инстанции отменил апелляционное определение, указав, что в силу пункта 1 статьи 614 Гражданского кодекса Российской Федерации арендатор обязан своевременно вносить плату за пользование имуществом (арендную плату). Порядок, условия и сроки внесения арендной платы определяются договором аренды.

Судом кассационной инстанции отмечено, что положения договора аренды в части размера и сроков внесения арендной платы истолкованы судом апелляционной инстанции с нарушением требований статьи 431 Гражданского кодекса Российской Федерации. Оставлено без внимания, что возможность одностороннего изменения условий договора установлена только в отношении непосредственно размера арендной платы, являющегося регулируемым. Тогда как в отношении сроков внесения арендной платы в договоре указано, что они определены в Приложении № 1, которое является неотъемлемой частью договора; если иные периодичности и сроки внесения платы не установлены договором, арендная плата вносится ежеквартально равными долями не позднее 15 числа последнего месяца квартала, подлежащего оплате.

Определение № 88-1795/2022

4. При рассмотрении исковых требований о взыскании задолженности по арендной плате возражения ответчика (арендатора) о наличии в действиях истца (арендодателя) признаков злоупотребления правом вследствие отказа в выкупе земельного участка подлежат проверке по существу вне зависимости от того, оспаривались ли

соответствующие решения, действия арендодателя в судебном порядке.

Департамент обратился в суд с иском к Т. о взыскании задолженности по договору аренды, неустойки, ссылаясь на ненадлежащее исполнение ответчиком обязанностей по внесению арендных платежей, предусмотренных договором аренды земельного участка.

Принимая решение об удовлетворении исковых требований, суд первой инстанции, с выводами которого согласился суд апелляционной инстанции, руководствуясь статьями 309, 614 Гражданского кодекса Российской Федерации, исходил из того, что поскольку земельный участок передан ответчику в собственность 09.06.2023, до указанного момента ответчик обязан вносить арендную плату за спорный период.

Судебная коллегия по гражданским делам Седьмого кассационного суда общей юрисдикции не согласилась с выводами нижестоящих судов, отметив следующее.

В силу пунктов 1 и 2 статьи 10 Гражданского кодекса Российской Федерации не допускаются осуществление гражданских прав исключительно с намерением причинить вред другому лицу, действия в обход закона с противоправной целью, а также иное заведомо недобросовестное осуществление гражданских прав (злоупотребление правом). В случае несоблюдения таких требований суд, арбитражный суд или третейский суд с учетом характера и последствий допущенного злоупотребления отказывает лицу в защите принадлежащего ему права полностью или частично, а также применяет иные меры, предусмотренные законом.

Возражая против удовлетворения исковых требований о взыскании задолженности по арендной плате и неустойке за период с 10.05.2021 по 05.12.2022, ответчик указывал на обращение 09.04.2021 в Департамент с заявлением о предоставлении земельного участка в собственность после завершения строительства жилого дома и необоснованный отказ в предоставлении земельного участка в собственность (заключение договора купли-продажи только в 2023 году, после переписки с истцом), то есть фактически указывал на наличие в действиях истца признаков злоупотребления правом.

Судом кассационной инстанции отмечено, что то обстоятельство, что решение Департамента от 23.04.2021 ответчиком не оспаривалось, не освобождало суд, рассматривающий спор о взыскании арендной платы, от проверки правомерности такого отказа, тем более, что после повторного обращения в 2023 году с заявлением о предоставлении земельного участка в собственность за плату с Т. был заключен договор купли-продажи земельного участка от 09.06.2023.

Рассмотрение заявлений граждан о выкупе земельного участка регламентировано положениями статьи 39.17 Земельного кодекса Российской Федерации, предусматривающей порядок, сроки, а также необходимость

совершения определенных действий уполномоченным органом в результате рассмотрения заявления о предоставлении земельного участка, находящегося в государственной или муниципальной собственности.

Согласно части 5 данной статьи, в срок не более чем тридцать дней со дня поступления заявления о предоставлении земельного участка уполномоченный орган рассматривает поступившее заявление, проверяет наличие или отсутствие оснований, предусмотренных статьей 39.16 настоящего Кодекса, и по результатам указанных рассмотрения и проверки совершает одно из следующих действий:

1) осуществляет подготовку проектов договора купли-продажи, договора аренды земельного участка или договора безвозмездного пользования земельным участком в трех экземплярах и их подписание, а также направляет проекты указанных договоров для подписания заявителю, если не требуется образование испрашиваемого земельного участка или уточнение его границ;

2) принимает решение о предоставлении земельного участка в собственность бесплатно или в постоянное (бессрочное) пользование, если не требуется образование испрашиваемого земельного участка или уточнение его границ, и направляет принятое решение заявителю;

3) принимает решение об отказе в предоставлении земельного участка при наличии хотя бы одного из оснований, предусмотренных статьей 39.16 настоящего Кодекса, и направляет принятое решение заявителю. В указанном решении должны быть указаны все основания отказа.

В соответствии с указанной нормой процедура рассмотрения заявления о выкупе должна быть завершена подготовкой проекта договора купли-продажи.

В данном случае суды не учли, что отсутствие признания ненормативного правового акта в судебном порядке недействительным, а также решения или действия (бездействия) государственного органа незаконными, само по себе не является основанием для отказа в проверке возражений ответчика о наличии в действиях истца признаков злоупотребления правом, в том числе проверки законности решения Департамента об отказе в предоставлении в собственность земельного участка при рассмотрении иска о взыскании арендной платы. Судами не принято во внимание, что в случае обоснованности возражений ответчика о незаконности отказа от 23.04.2021 в предоставлении в собственность земельного участка у арендатора прекратилось бы обязательство по внесению арендной платы по договору и возникла бы обязанность уплачивать за земельный участок земельный налог, сумма которого меньше арендной платы за соответствующий период.

Суды при рассмотрении спора должны проверить возражения ответчика против иска о злоупотреблении правом со стороны истца, поскольку

установление данного обстоятельства могло повлечь отказ в иске полностью либо в части.

Определение № 88-3219/2024

Аналогичная правовая позиция изложена в определении Седьмого кассационного суда общей юрисдикции от 01.07.2021 по делу № 88-10316/2021 по иску Департамента имущественных отношений Тюменской области к С.Д. о взыскании задолженности по договору аренды земельного участка.

5. Если при расторжении договора аренды основное обязательство не прекращается, сохраняется обязанность должника по возврату полученного имущества кредитору и по внесению соответствующей платы за пользование имуществом, то взысканию подлежат не только установленные договором платежи за пользование имуществом, но и неустойка за просрочку их уплаты.

Истец обратился в суд с иском к К. о взыскании задолженности по арендной плате, в том числе неустойки за просрочку внесения арендных платежей, с начислением данной неустойки по день фактического исполнения обязательства.

Требования мотивированы тем, что 01.05.2022 между истцом (арендодателем) и ответчиком (арендатором) был заключен договор аренды нежилого помещения. 01.03.2023 договор аренды расторгнут, однако нежилое помещение истцу не возвращено.

Суд первой инстанции, руководствуясь статьями 309, 310, 329, 330 Гражданского кодекса Российской Федерации, установив, что помещение по акту приема-передачи не возвращено, ключи от помещения не переданы, соглашение о расторжении договора не подписано, пришел к выводу о взыскании арендной платы, а также договорной неустойки за весь искомый период.

Суд апелляционной инстанции не согласился с выводами суда первой инстанции в части разрешения требований о взыскании неустойки за просрочку уплаты арендных платежей, посчитав необходимым снизить данную неустойку на основании статьи 333 Гражданского кодекса Российской Федерации. Кроме того, сославшись на положения статьи 453 Гражданского кодекса Российской Федерации и расторжение договора аренды, суд апелляционной инстанции не усмотрел оснований для взыскания неустойки за просрочку арендных платежей по договору за период с 19.05.2023 по день фактического погашения задолженности.

Судебная коллегия по гражданским делам Седьмого кассационного суда общей юрисдикции не согласилась с выводами суда апелляционной инстанции в части отказа в удовлетворении требований о взыскании неустойки за просрочку арендных платежей по договору за период с

19.05.2023 по день фактического погашения задолженности, отметив следующее.

В силу пункта 1 статьи 606 Гражданского кодекса Российской Федерации по договору аренды (имущественного найма) арендодатель (наймодатель) обязуется предоставить арендатору (нанимателю) имущество за плату во временное владение и пользование или во временное пользование.

На основании пункта 1 статьи 614 Гражданского кодекса Российской Федерации арендатор обязан своевременно вносить плату за пользование имуществом (арендную плату). Порядок, условия и сроки внесения арендной платы определяются договором аренды.

В соответствии с пунктом 2 статьи 453 Гражданского кодекса Российской Федерации при расторжении договора обязательства сторон прекращаются, если иное не предусмотрено законом, договором или не вытекает из существа обязательства.

В пункте 66 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 24.03.2016 № 7 «О применении судами некоторых положений Гражданского кодекса Российской Федерации об ответственности за нарушение обязательств» разъяснено, что если при расторжении договора основное обязательство не прекращается, например, при передаче имущества в аренду, ссуду, заем и кредит, и сохраняется обязанность должника по возврату полученного имущества кредитору и по внесению соответствующей платы за пользование имуществом, то взысканию подлежат не только установленные договором платежи за пользование имуществом, но и неустойка за просрочку их уплаты (статья 622, статья 689, пункт 1 статьи 811 Гражданского кодекса Российской Федерации).

В порядке статьи 622 Гражданского кодекса Российской Федерации при прекращении договора аренды арендатор обязан вернуть арендодателю имущество в том состоянии, в котором он его получил, с учетом нормального износа или в состоянии, обусловленном договором. Если арендатор не возвратил арендованное имущество либо возвратил его несвоевременно, арендодатель вправе потребовать внесения арендной платы за все время просрочки.

Согласно правовой позиции Верховного Суда Российской Федерации, отраженной в пункте 6 Обзора судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 4 (2018), утвержденного Президиумом Верховного Суда Российской Федерации 26.12.2018, плата за фактическое пользование арендуемым имуществом после истечения срока действия договора производится в размере, определенном этим договором. Прекращение договора аренды само по себе не влечет прекращения обязательства по внесению арендной платы, поэтому требования о взыскании арендной платы за фактическое пользование имуществом вытекают из договорных отношений, а не из обязательства о неосновательном обогащении.

С учетом того, что неустойка в силу пункта 1 статьи 329, пункта 1 статьи 330 Гражданского кодекса Российской Федерации является способом обеспечения обязательства, представляющим собой определенную законом или договором денежную сумму, которую должник обязан уплатить кредитору в случае неисполнения или ненадлежащего исполнения обязательства, в частности в случае просрочки исполнения, а по настоящему делу установлено, что после расторжения 01.04.2023 договора аренды нежилое помещение не было возвращено арендодателю, суд кассационной инстанции пришел к выводу о том, что вывод суда апелляционной инстанции об отсутствии оснований для начисления неустойки за просрочку оплаты арендных платежей по договору аренды противоречит закону, в силу которого факт расторжения договора не влечет прекращения всех обязательств по договору, включая обязанности стороны уплачивать неустойку за нарушение обязательств.

Определение № 88-5064/2024

6. Размер арендной платы за земельный участок, находящийся в государственной или муниципальной собственности, рассчитывается в соответствии с основными принципами определения арендной платы, установленными Правительством Российской Федерации.

ТУ Росимущества по Пермскому краю обратилось в суд с иском к М.А.А., Г. о взыскании задолженности по арендной плате пропорционально долям в праве общей долевой собственности на административное здание.

В обоснование исковых требований указало, что 12.03.2007 между ТУ Росимущества (арендодатель) по Пермскому краю и С. (арендатор) был заключен договор о передаче в аренду земельного участка. 14.04.2010 соглашением в договор аренды внесены изменения в части смены арендатора С. на М.А.А. и Г. в равных долях. Ответчики ненадлежащим образом исполняют договор аренды в части оплаты арендных платежей.

М.А.А., Г. обратились в суд со встречным иском к ТУ Росимущества по Пермскому краю о признании недействительным пункта 1.1 договора аренды в части определения площади земельного участка, об изменении условий договора в части сведений об объекте и расчете стоимости арендной платы, о перерасчете стоимости аренды за период с 2010 по 2022 годы.

В обоснование встречных исковых требований указали, что часть арендуемого земельного участка площадью 963 кв.м находится под местами общего пользования (улично-дорожная сеть), не может быть использована арендаторами для эксплуатации принадлежащего им здания. Также ссылались на неверное определение арендной платы, исходя из неактуальной рыночной стоимости арендуемого земельного участка, непрозрачность формирования ежегодного размера арендной платы в направляемых уведомлениях.

Разрешая исковые требования, суд первой инстанции, с выводами которого согласился суд апелляционной инстанции, руководствуясь статьями

606, 614, 621 Гражданского кодекса Российской Федерации, статьями 22, 42, 65 Земельного кодекса Российской Федерации, установив, что сторонами согласованы все существенные условия договора аренды, в том числе размер арендной платы, порядок оплаты и арендуемая площадь земельного участка, ответчиками не исполнено обязательство по внесению арендной платы, пришел к выводу о наличии оснований для удовлетворения первоначальных требований ТУ Росимущества и отказе во встречных исковых требованиях.

Судебная коллегия по гражданским делам Седьмого кассационного суда общей юрисдикции не согласилась с выводами нижестоящих судов о соответствии рассчитанного истцом размера арендной платы требованиям закона и условиям договора, исходя из следующего.

В силу пункта 1 статьи 614 Гражданского кодекса Российской Федерации арендатор обязан своевременно вносить плату за пользование имуществом (арендную плату).

На основании пункта 1 статьи 424 Гражданского кодекса Российской Федерации и статьи 39.7 Земельного кодекса Российской Федерации плата за пользование спорным земельным участком относится к категории регулируемых цен. Из этого следует, что законодательное изменение формулы, по которой определяется размер арендной платы, влечет изменение регулируемой арендной платы и стороны обязаны руководствоваться нормативно установленным размером арендной платы. При этом дополнительного изменения договора аренды не требуется.

В соответствии с пунктом 1 статьи 39.7 Земельного кодекса Российской Федерации размер арендной платы за земельный участок, находящийся в государственной или муниципальной собственности, определяется в соответствии с основными принципами определения арендной платы, установленными Правительством Российской Федерации.

Постановлением Правительства Российской Федерации от 16.07.2009 № 582 утверждены Правила определения размера арендной платы, а также порядка, условий и сроков внесения арендной платы за земли, находящиеся в собственности Российской Федерации (далее Правила № 582).

Проанализировав положения пункта 6 данных Правил № 582 в редакции, действовавшей на момент заключения сторонами дополнительного соглашения от 14.04.2010, равно как изменения, внесенные в данный пункт постановлением Правительства Российской Федерации от 05.05.2017 № 531, суд кассационной инстанции отметил, что арендная плата по договорам аренды земельных участков, находящихся в федеральной собственности, на которых расположены здания, сооружения, объекты незавершенного строительства, с 01.01.2018 подлежит определению только на основании рыночной стоимости аренды.

Таким образом, определение арендодателями и судами размера годовой арендной платы в периоды после 01.01.2018 на основании рыночной

стоимости земельного участка (из чего исходили стороны, устанавливая ранее действовавший размер арендной платы), противоречит законодательно установленной методике ее определения - на основании рыночной стоимости права аренды этого участка, рассчитанной за весь срок аренды земельного участка и определяемой в соответствии с законодательством Российской Федерации об оценочной деятельности, поделенной на общий срок договора аренды земельного участка.

То обстоятельство, что арендатор в самостоятельном порядке не оспорил уведомления арендодателя об изменении размера арендной платы как одностороннюю сделку, не признано судом кассационной инстанции препятствием для заявления соответствующих возражений при рассмотрении иска арендодателя о взыскании спорной арендной платы.

Определение № 88-16862/2023

7. В связи с расторжением по требованию арендодателя договора аренды с правом выкупа и изъятием им предмета аренды отпали основания для удержания арендодателем той части денежных средств, которые были уплачены арендатором в счет погашения выкупной цены предмета аренды с правом выкупа.

Я. обратился в суд с иском к Д. о признании договора аренды транспортного средства с правом выкупа от 16.05.2020 незаключенным, взыскании в качестве неосновательного обогащения денежных средств в размере 312 000 руб.

В обоснование исковых требований указано, что 16.05.2020 между Д. (арендодатель) и Я. (арендатор) заключен договор аренды транспортного средства LADA, с правом выкупа, стоимость автомобиля сторонами определена в размере 675 000 руб., арендная плата подлежит уплате арендатором в размере 1 000 руб. ежедневно. Ответчиком в одностороннем порядке 23.07.2021 спорный автомобиль был изъят у истца. За время действия указанного договора истец выплатил ответчику 312 000 руб.

Д. обратился со встречным иском к Я. о взыскании задолженности по арендной плате за период с 01.05.2021 по 23.07.2021 в размере 83 000 руб., а также пени.

В обоснование встречных исковых требований указано на неисполнение арендатором условий договора аренды транспортного средства в части выплаты арендной платы, расторжение договора аренды в одностороннем порядке в связи с допуском Я. просрочек по платежам.

Разрешая спор и отказывая в удовлетворении исковых требований Я. о признании договора аренды с правом выкупа незаключенным и взыскании неосновательного обогащения в виде произведенных им платежей, суд первой инстанции, с выводами которого согласился суд апелляционной инстанции, руководствуясь статьями 421, 431, 606, 624, 1102, 1109 Гражданского кодекса Российской Федерации, исходил из того, что при заключении договора

стороны согласовали все существенные условия, арендатор принял от арендодателя автомобиль во владение и пользование, вносил оплату по договору, при наличии договорных обязательств произведенные арендатором платежи не являются неосновательным обогащением арендодателя.

Разрешая встречные требования Д. о взыскании задолженности за период пользования спорным автомобилем с 01.05.2021 по день изъятия автомобиля и неустойки, суд первой инстанции, руководствуясь статьями 333, 431, 614 Гражданского кодекса Российской Федерации, пришел к выводу о наличии оснований для взыскания установленной договором арендной платы (1 000 руб. в день), снизив размер неустойки с учетом принципа разумности и соразмерности ответственности допущенному нарушению.

Судебная коллегия по гражданским делам Седьмого кассационного суда общей юрисдикции не согласилась с выводами нижестоящих судов, указав следующее.

Согласно пункту 3 статьи 609 Гражданского кодекса Российской Федерации договор аренды имущества, предусматривающий переход в последующем права собственности на это имущество к арендатору (статья 624 Гражданского кодекса Российской Федерации), заключается в форме, предусмотренной для договора купли-продажи такого имущества.

В законе или договоре аренды может быть предусмотрено, что арендованное имущество переходит в собственность арендатора по истечении срока аренды или до его истечения при условии внесения арендатором всей обусловленной договором выкупной цены (пункт 1 статьи 624 Гражданского кодекса Российской Федерации).

Договор, предусматривающий выкуп арендованного имущества, следует рассматривать как смешанный (пункт 3 статьи 421 Гражданского кодекса Российской Федерации), содержащий в себе элементы договоров аренды и купли-продажи.

В соответствии с пунктом 1 статьи 454 Гражданского кодекса Российской Федерации по договору купли-продажи одна сторона (продавец) обязуется передать вещь (товар) в собственность другой стороне (покупателю), а покупатель обязуется принять этот товар и уплатить за него определенную денежную сумму (цену).

В рассматриваемом случае в связи с расторжением по требованию арендодателя договора аренды с правом выкупа и изъятием им предмета аренды прекратилось обязательство арендодателя по передаче транспортного средства арендатору в собственность. Следовательно, отпали основания для удержания той части денежных средств, которые были уплачены арендатором в счет погашения выкупной цены предмета аренды с правом выкупа.

В пункте 1 статьи 1102 Гражданского кодекса Российской Федерации определено, что лицо, которое без установленных законом, иными правовыми актами или сделкой оснований приобрело или сберегло имущество

(приобретатель) за счет другого лица (потерпевшего), обязано возвратить последнему неосновательно приобретенное или сбереженное имущество (неосновательное обогащение), за исключением случаев, предусмотренных статьями 1109 Гражданского кодекса Российской Федерации.

Таким образом, если после расторжения договора имеет место удержание арендодателем - стороной возмездной сделки - оплаченной части выкупной цены без предоставления арендатору в части, касающейся выкупа, встречного исполнения, выводы судов нижестоящих инстанций об отсутствии на стороне арендодателя обязанности по возврату денежных средств, перечисленных в счет погашения выкупной цены, и как следствие неосновательного обогащения, признаны судом кассационной инстанции ошибочными, не соответствующими правовому регулированию возникших между сторонами спора правоотношений.

Судом кассационной инстанции отмечено, что отказывая в удовлетворении требований Я., суды не установили факт возврата ему арендодателем после изъятия автомобиля денежных средств, перечисленных в счет погашения выкупной цены, либо факт невыплаты арендатором какой-либо части выкупной цены, в то время как данные обстоятельства являются значимыми для правильного разрешения настоящего дела.

Определение № 88-20925/2023

Аналогичная правовая позиция изложена в определении Седьмого кассационного суда общей юрисдикции по делу № 88-11956/2021, по иску ИП А.Р. к К. о взыскании неосновательного обогащения

8. Условия договора аренды о невозвращении арендной платы при расторжении договора должны оцениваться судами с точки зрения того, являлась ли уплаченная по договору сумма за весь срок аренды существенным условием проведения аукциона и одновременно существенным условием заключенного по итогам аукциона договора аренды земельного участка.

В. обратилась в суд с иском к УФК, в котором просила обязать ответчика осуществить возврат излишне уплаченных платежей (неосновательного обогащения) в размере 107 820,90 руб. на счет П.

К участию в деле в качестве соответчика судом первой инстанции был привлечен Департамент.

В обоснование исковых требований указано, что 29.06.2018 В. заключила с Департаментом договор аренды земельного участка, сроком на 20 лет, для строительства жилого дома. По условиям договора арендная плата вносится арендодателем единовременно за весь срок договора в размере 135 100 руб. за вычетом суммы задатка. Сумма задатка в размере 1 351 руб. перечислена истцом на счет арендодателя в соответствии с условиями участия в аукционе. Остальная сумма в размере 133 749 руб. оплачена П. за В. в счет

арендной платы. В связи с затруднительным материальным положением и невозможностью строительства жилого дома на арендуемом земельном участке, на основании заявления истца договор аренды расторгнут, земельный участок передан Департаменту по акту приема-передачи 12.07.2022. Ввиду отказа осуществить возврат арендных платежей после расторжения договора истец считает, что на стороне Департамента возникло неосновательное обогащение.

Разрешая спор, суд первой инстанции, руководствуясь статьей 1102 Гражданского кодекса Российской Федерации, проанализировав условия договора аренды (в том числе пункт 6.3 договора), пришел к выводу об отсутствии на стороне ответчика неосновательного обогащения, поскольку соглашение о расторжении договора аренды земельного участка не содержит пунктов о возврате уплаченной суммы. Также суд указал на отсутствие у истца полномочий на обращение в суд с иском в интересах П., пропуск истцом срока (предусмотренного пунктом 2 статьи 40.1 Бюджетного кодекса Российской Федерации) на подачу заявления на возврат излишне уплаченного платежа.

Суд апелляционной инстанции согласился с выводами суда первой инстанции, дополнительно отметив, что истец не заявляла требований к Департаменту, привлеченному судом в качестве ответчика.

Судебная коллегия по гражданским делам Седьмого кассационного суда общей юрисдикции отменила судебные акты, направив дело на новое рассмотрение в суд первой инстанции. Указала, что на основании пункта 2 статьи 453 Гражданского кодекса Российской Федерации при расторжении договора обязательства сторон прекращаются, если иное не предусмотрено законом, договором или не вытекает из существа обязательства.

В соответствии с пунктом 4 статьи 453 Гражданского кодекса Российской Федерации стороны не вправе требовать возвращения того, что было исполнено ими по обязательству до момента изменения или расторжения договора, если иное не установлено законом или соглашением сторон.

В случае, когда до расторжения или изменения договора одна из сторон, получив от другой стороны исполнение обязательства по договору, не исполнила свое обязательство либо предоставила другой стороне неравноценное исполнение, к отношениям сторон применяются правила об обязательствах вследствие неосновательного обогащения (глава 60 Гражданского кодекса Российской Федерации), если иное не предусмотрено законом или договором либо не вытекает из существа обязательства.

Суд кассационной инстанции отметил, что совокупность приведенных норм закона в их системном единстве предполагает, что при расторжении договора, в том числе по соглашению сторон, определяющее значение имеет соблюдение требования эквивалентности взаимных предоставлений. Это

означает, что только в том случае, если до расторжения договора одна из сторон, получив от другой стороны исполнение обязательства по договору, не исполнила свое обязательство либо предоставила другой стороне неравноценное исполнение, применяются правила о неосновательном обогащении.

На основании статьи 1102 Гражданского кодекса Российской Федерации лицо, которое без установленных законом, иными правовыми актами или сделкой оснований приобрело или сберегло имущество (приобретатель) за счет другого лица (потерпевшего), обязано возвратить последнему неосновательно приобретенное или сбереженное имущество (неосновательное обогащение), за исключением случаев, предусмотренных статьей 1109 настоящего Кодекса.

С учетом изложенного, при расторжении договора аренды, заключенного на длительный период (в данном случае - договор аренды заключен на 20 лет, соглашение о расторжении договора аренды подписано 01.07.2022, то есть через 4 года с момента заключения договора, и земельный участок возвращен арендатором Департаменту 12.07.2022), нижестоящие суды должны оценить, является ли предусмотренная договором аренды арендная плата, уплаченная арендатором за весь срок действия договора (135 100 руб.), равноценным предоставлением.

В силу пункта 3 статьи 1103 Гражданского кодекса Российской Федерации и разъяснений, данных в пункте 65 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации и Пленума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 29.04.2010 № 10/22 «О некоторых вопросах, возникающих в судебной практике при разрешении споров, связанных с защитой права собственности и других вещных прав», положения о неосновательном обогащении подлежат применению к требованиям одной стороны в обязательстве к другой о возврате исполненного в связи с этим обязательством при расторжении договора.

Суд кассационной инстанции, с учетом пунктов 3 и 4 статьи 1 Гражданского кодекса Российской Федерации, отметил, что условия пункта 6.3 договора аренды о том, что при досрочном расторжении (прекращении) договора внесенная в соответствии с пунктом 3.1 договора сумма (часть суммы) не возвращается, должны быть предметом оценки судов с точки зрения наличия (отсутствия) злоупотребления правом со стороны арендодателя при включении данного пункта в договор аренды, заключаемый с гражданином, который не может повлиять на условия данного договора.

В соответствии с пунктом 2 статьи 39.7 Земельного кодекса Российской Федерации в случае заключения договора аренды земельного участка, находящегося в государственной или муниципальной собственности, на аукционе на право заключения договора аренды земельного участка размер ежегодной арендной платы или размер первого арендного платежа за земельный участок определяется по результатам этого аукциона.

В случае заключения договора аренды земельного участка с лицом, подавшим единственную заявку на участие в аукционе на право заключения договора аренды земельного участка, находящегося в государственной или муниципальной собственности, с заявителем, признанным единственным участником аукциона, либо с единственным принявшим участие в аукционе его участником размер ежегодной арендной платы или размер первого арендного платежа за такой земельный участок определяется в размере начальной цены предмета аукциона.

На основании пункта 16 статьи 39.11 Земельного кодекса Российской Федерации по результатам аукциона на право заключения договора аренды земельного участка, находящегося в государственной или муниципальной собственности, определяется ежегодный размер арендной платы.

Таким образом, условия пункта 6.3 договора аренды о невозврате арендной платы при расторжении договора должны оцениваться судами с точки зрения того, являлась ли уплаченная по договору сумма в размере 135 100 руб. (за весь срок аренды) существенным условием проведения аукциона и одновременно существенным условием заключения договора аренды земельного участка; установить, не является ли сумма арендной платы (135 100 руб.), с учетом характеристик арендуемого земельного участка и его фактического возврата арендатором арендодателю (соответственно, возможности повторного выставления данного земельного участка на торги) неравноценным предоставлением, в том числе учесть требования закона о недопустимости злоупотребления правом при установлении договорных отношений.

Определение № 88-20202/2023

9. При определении размера обязательства по оплате за использование неделимого земельного участка каждого из собственников расположенных на этом земельном участке объекта недвижимости, в том числе, если требования предъявлены только к одному из собственников здания, сооружения, необходимо определять долю данного обязательства, исходя из площади принадлежащего каждому из собственников объекта недвижимости.

Комитет по управлению имуществом и земельным отношениям обратился в суд с иском к С.В. о взыскании задолженности по арендной плате за пользование земельным участком по договору аренды, пени за нарушение сроков внесения арендной платы.

В обоснование иска указано, что на земельном участке площадью 16 616 кв.м расположено нежилое здание площадью 895,1 кв.м, собственником которого в спорный период являлся С.В., не вносивший плату за пользование земельным участком по договору аренды от 03.06.2010, обязанности арендатора по которому перешли к С.В. при приобретении здания.

Удовлетворяя исковые требования о взыскании задолженности по арендной плате, суд первой инстанции, руководствуясь статьей 614 Гражданского кодекса Российской Федерации, статьей 65 Земельного кодекса Российской Федерации, исходил из обязанности арендатора вносить плату за пользование земельным участком исходя из площади всего участка, поскольку предыдущий правообладатель нежилого здания заключил договор аренды от 03.06.2010 для размещения данного здания.

Суд апелляционной инстанции не согласился с выводами суда первой инстанции о наличии оснований для взыскания с ответчика как собственника здания платы за пользование всем земельным участком площадью 16 616 кв.м, отметив, что на земельном участке также находятся другие нежилые здания, принадлежащие иным лицам, к которым в силу пункта 1 статьи 35 Земельного кодекса Российской Федерации, пункта 2 статьи 271 Гражданского кодекса Российской Федерации перешло право пользования земельным участком, необходимым для использования данных зданий. Также суд апелляционной инстанции, руководствуясь статьей 39.20 Земельного кодекса Российской Федерации, пришел к выводу о том, что земельный участок является неделимым и для эксплуатации здания ответчика необходим земельный участок площадью 2 630,07 кв.м, соответственно, размер задолженности за пользование земельным участком подлежит определению пропорционально площади застройки данного здания по отношению к другим.

Суд кассационной инстанции согласился с выводами суда апелляционной инстанции об отсутствии оснований для взыскания с ответчика С.В. платы за пользование всем земельным участком, исходя из того, что на земельном участке, кроме принадлежащего С.В. здания, находятся также другие нежилые здания, для эксплуатации которых также необходим этот земельный участок.

В то же время судом кассационной инстанции отмечено, что на основании пункта 2 статьи 39.20 Земельного кодекса Российской Федерации, в случае, если на неделимом земельном участке расположены несколько зданий, сооружений, принадлежащих нескольким лицам на праве частной собственности, то эти лица имеют право на приобретение такого земельного участка в аренду с множественностью лиц на стороне арендатора.

Размер обязательства по договору аренды неделимого земельного участка с множественностью лиц на стороне арендатора в отношении земельного участка должен быть соразмерен долям в праве на здание, сооружение или помещения в них, принадлежащим правообладателям здания, сооружения или помещений в них. Отступление от этого правила возможно с согласия всех правообладателей здания, сооружения или помещений в них либо по решению суда (пункт 10 статьи 39.20 Земельного кодекса Российской Федерации).

Площадь застройки земельного участка для определения размера обязательств за пользование неделимым земельным участком не имеет значения, поскольку по смыслу указанных норм в их взаимосвязи размер обязательств лиц, использующих неделимый земельный участок, зависит от размера (площади) принадлежащих им объектов недвижимости, находящихся на неделимом земельном участке.

Таким образом, при определении размера обязательства по оплате за использование неделимого земельного участка каждого из собственников расположенных на земельном участке объектов недвижимости, в том числе, если требования предъявлены только к одному из них, необходимо определять долю данного обязательства, исходя из размера принадлежащего каждому лицу объекта недвижимости. Данные обстоятельства судом апелляционной инстанции не были установлены, что привело к неправильному разрешению спора.

Определение № 88-17694/2021

10. При обращении в суд с иском о понуждении заключить договор он считается заключенным на условиях, указанных в решении суда, с момента вступления в законную силу соответствующего решения суда. При рассмотрении дела судебной оценке и проверке соответствия положениям действующего законодательства подлежат все условия договора, по которым ответчиком заявлены возражения.

Администрация города обратилась в суд с иском к Р.И. о возложении обязанности заключить договор аренды земельного участка площадью 3 520 кв.м на предложенных условиях.

В обоснование требований истец сослался на положения статьи 3.3 Федерального закона от 25.10.2001 № 137-ФЗ «О введении в действие Земельного кодекса Российской Федерации», статей 421 и 445 Гражданского кодекса Российской Федерации, статьи 39.20 Земельного кодекса Российской Федерации, указал, что Р.И. является собственником нежилого здания, которое расположено на земельном участке площадью 3520 кв.м. Права на земельный участок у собственника объекта недвижимости надлежащим образом не оформлены. 17.03.2021 в адрес ответчика отправлено письмо с предложением о заключении договора аренды земельного участка и приложением текста договора, однако договор ответчиком не подписан.

Ответчик против удовлетворения требований возражал, в том числе, ссылаясь на неправильное определение площади, предназначенной для эксплуатации принадлежащего ему объекта недвижимости, ошибочность расчета арендной платы.

Удовлетворяя исковые требования Администрации, суд первой инстанции, с выводами которого согласился суд апелляционной инстанции, руководствуясь статьями 420, 421, 422, 424, 425, 432, 445 Гражданского кодекса Российской Федерации, статьями 39.20, 65 Земельного кодекса

Российской Федерации, установив, что в адрес ответчика направлен проект договора аренды земельного участка, возможность к понуждению заключения которого в судебном порядке предусмотрена действующим законодательством, пришел к выводу об удовлетворении исковых требований.

Суд кассационной инстанции согласился с выводами нижестоящих судов о наличии на стороне ответчика обязанности по заключению договора аренды, в то же время указал, что судами не принята во внимание площадь, необходимая для эксплуатации принадлежащего ответчику объекта и установленная вступившим в законную силу судебным актом, оставлено без внимания отсутствие доказательств необходимости использования земельного участка указанной истцом площади.

Также суд кассационной инстанции указал, что в соответствии с пунктом 4 статьи 445 Гражданского кодекса Российской Федерации, если сторона, для которой в соответствии с настоящим Кодексом или иными законами заключение договора обязательно, уклоняется от его заключения, другая сторона вправе обратиться в суд с требованием о понуждении заключить договор.

В этом случае договор считается заключенным на условиях, указанных в решении суда, с момента вступления в законную силу соответствующего решения суда.

По смыслу статьи 446 Гражданского кодекса Российской Федерации в случаях передачи разногласий, возникших при заключении публичного договора, на рассмотрение суда на основании статьи 445 названного Кодекса условия договора, по которым у сторон имелись разногласия, определяются в соответствии с решением суда.

Если при рассмотрении искового заявления о понуждении заключить договор или об урегулировании разногласий по условиям договора суд установит, что стороны не сослались на необходимость согласования какого-либо существенного условия и соглашение сторон по нему отсутствует, вопрос о таком условии выносится судом на обсуждение сторон (статья 56 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации). Равным образом в случае, когда между сторонами отсутствует спор по части условий, суд может вынести на обсуждение сторон вопрос о соотношении таких условий со спорными условиями. По итогам обсуждения суд, учитывая, в частности, мнения сторон по названным вопросам, обычную договорную практику, особенности конкретного договора и иные обстоятельства дела, принимает решение о редакции условий договора, в том числе отличной от предложенных сторонами (пункт 4 статьи 445, пункт 1 статьи 446 Гражданского кодекса Российской Федерации) (пункт 39 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 25.12.2018 № 49 «О некоторых вопросах применения общих положений Гражданского кодекса Российской Федерации о заключении и толковании договора»).

При рассмотрении преддоговорных споров обязанностью суда является обеспечение защиты прав лица, обратившегося с требованием о понуждении к заключению договора. Разрешение судом спора о понуждении к заключению договора и при уклонении от заключения договора, и при возникновении разногласий по конкретным его условиям сводится, по существу, к внесению определенности в правоотношения сторон и установлению судом условий, не урегулированных сторонами в досудебном порядке. Установление судом или изменение при рассмотрении спора о понуждении к заключению договора фактических обстоятельств, влияющих на формулировку искового требования, не меняют его предмета как спора о заключении договора и не должны приводить к отказу в понуждении к его заключению.

Таким образом, суд не может отказать истцу в иске в том случае, когда предложенные им редакции условий договора не соответствуют требованиям действующего законодательства. В этом случае при урегулировании спорного условия суд исходит из императивной либо диспозитивной нормы законодательства, регулирующего правоотношения сторон (статьи 421 и 422 Гражданского кодекса Российской Федерации).

Между тем, при рассмотрении заявленного иска в части согласования момента заключения договора суд не учел отсутствие согласия стороны арендатора на распространение условий договора на отношения, возникшие до вступления в законную силу решения суда.

Определение № 88-15872/2022

11. У собственника объекта незавершенного строительства, изъятого по решению суда путем продажи с публичных торгов на основании статьи 239.1 Гражданского кодекса Российской Федерации, сохраняется обязанность по внесению платы за пользование земельным участком до момента регистрации права собственности за новым собственником (покупателем по результатам торгов). При наличии соответствующих возражений ответчика неисполнение публично-правовым образованием установленной законом обязанности по определению судьбы изъятого объекта, повлекшее просрочку кредитора, может явиться основанием для отказа во взыскании арендной платы за пользование землей в период неправомерного бездействия.

Комитет по управлению имуществом обратился с иском к П. о взыскании арендной платы за период с 01.01.2021 по 31.12.2021 за пользование земельным участком и пени, указав, что вступившим в законную силу 19.11.2019 решением суда объект незавершенного строительства изъят у ответчика путем продажи с публичных торгов, до настоящего времени не отчужден.

Удовлетворяя требования истца, суд первой инстанции, руководствуясь статьями 614, 622 Гражданского кодекса Российской Федерации, пришел к выводу о том, что плата за фактическое пользование арендуемым имуществом после истечения срока действия договора производится в размере,

определенном этим договором, прекращение договора аренды само по себе не влечет прекращения обязательства по внесению арендной платы; на момент обращения с настоящим иском в суд земельный участок ответчиком истцу по акту приема-передачи не возвращен, арендные платежи ответчиком также не уплачены, доказательств принятия мер для возврата имущества арендодателю и уклонении последнего от приемки земельного участка, не имеется.

Суд апелляционной инстанции с выводами суда первой инстанции не согласился, указав, что после прекращения действия договора аренды и изъятия объекта недвижимости фактически участок поступил во владение арендодателя и не мог быть использован арендатором в тех целях, которые указаны в договоре аренды по причинам, от него независящим, в связи с изъятием у него объекта недвижимости, для завершения строительства которого заключен договор аренды.

Суд кассационной инстанции не согласился с выводами суда апелляционной инстанции, отметив, что подпунктом 7 части 1 статьи 1 Земельного кодекса Российской Федерации закреплен принцип платности использования земли, согласно которому любое использование земли осуществляется за плату, за исключением случаев, установленных федеральными законами и законами субъектов Российской Федерации.

По смыслу статей 606, 614, 622 Гражданского кодекса Российской Федерации передача сданного в аренду имущества арендатору представляет собой исполнение арендодателем заключенного сторонами договора аренды, который имеет взаимный характер.

Взаимный характер предполагает, что исполнение арендатором обязанности по перечислению арендной платы обусловлено исполнением арендодателем своих обязательств по передаче имущества во владение и пользование арендатору (пункт 1 статьи 328 Гражданского кодекса Российской Федерации), исполнив обязанность по передаче имущества должнику, арендодатель вправе требовать арендную плату за весь период пользования имуществом.

В пункте 25 постановления Пленума Высшего арбитражного суда Российской Федерации от 17.11.2011 № 73 «Об отдельных вопросах практики применения правил Гражданского кодекса Российской Федерации о договоре аренды» изложена правовая позиция о том, что при продаже недвижимости, находящейся на земельном участке, не принадлежащем продавцу на праве собственности, к покупателю этой недвижимости с момента государственной регистрации перехода права собственности на нее переходит то право на земельный участок, которое принадлежало продавцу недвижимости, а также связанные с этим обязанности при наличии таковых (перемена лица в договоре аренды).

То есть покупатель объектов недвижимости обязан платить за пользование публичным земельным участком с момента государственной

регистрации перехода к нему права собственности на объекты, соответственно, до этого момента такая обязанность сохраняется за прежним собственником.

Прекращение договора аренды само по себе не влечет прекращения обязательства по внесению арендной платы, оно будет прекращено надлежащим исполнением арендатором обязательства по возврату имущества арендодателю, взыскание арендной платы за фактическое использование арендуемого имущества после истечения срока действия договора производится в размере, определенном этим договором (пункт 2 статьи 622 Гражданского кодекса Российской Федерации).

Право собственности на недвижимое имущество возникает и прекращается с момента внесения соответствующей записи в государственный реестр, если иное не установлено законом (пункт 2 статьи 8.1, статьи 131, 223 Гражданского кодекса Российской Федерации). Вступление в законную силу решения суда об изъятии объекта незавершенного строительства путем продажи его с публичных торгов в порядке статьи 239.1 Гражданского кодекса Российской Федерации, к иным случаям определения момента прекращения права собственности законом не отнесено.

Таким образом, у собственника объекта незавершенного строительства, изъятых по решению суда путем продажи с публичных торгов на основании статьи 239.1 Гражданского кодекса Российской Федерации, сохраняется обязанность по внесению платы за пользование земельным участком до момента регистрации права собственности за новым собственником (покупателем по результатам торгов).

Определение № 88-16939/2022

Аналогичная правовая позиция изложена в определении Седьмого кассационного суда общей юрисдикции № 88-19648/2022 по иску Управления имущественных отношений к Г. о взыскании неустойки за несвоевременное внесение арендной платы по договору аренды.

Дополнительно судом кассационной инстанции отмечено, что на основании пункта 3 статьи 307 Гражданского кодекса Российской Федерации, при установлении, исполнении обязательства и после его прекращения стороны обязаны действовать добросовестно, учитывая права и законные интересы друг друга, взаимно оказывая необходимое содействие для достижения цели обязательства, а также предоставляя друг другу необходимую информацию.

Как разъяснено в пункте 19 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 11.06.2020 № 6 «О некоторых вопросах применения положений Гражданского кодекса Российской Федерации о прекращении обязательств», если обязательства были прекращены зачетом, однако одна из

сторон обратилась в суд с иском об исполнении прекращенного обязательства либо о взыскании убытков или иных санкций в связи с ненадлежащим исполнением или неисполнением обязательства, ответчик вправе заявить о состоявшемся зачете в возражении на иск. С учетом чего, в случае, если Управлением не предприняты необходимые действия, направленные на исполнение предусмотренной законом обязанности провести торги по продаже объектов незавершенного строительства, ответчик вправе приводить возражения об отсутствии у него обязанности вносить плату за пользование земельным участком.

Таким образом, в предмет доказывания по спорам о взыскании с лица, у которого изъят объект незавершенного строительства, платы за пользование земельным участком и последующей судебной оценки должно входить поведение органа власти, обратившегося в суд с заявлением о продаже объекта незавершенного строительства на публичных торгах, на стадии исполнения судебного акта на предмет соответствия стандарту разумного и добросовестного поведения, включая законность и полноту реализации возложенных на него обязанностей по определению судьбы изъятых объектов (и земельного участка под ним) путем своевременного проведения открытого аукциона.

Неисполнение публично-правовым образованием такой обязанности, выразившееся в необоснованном уклонении от организации торгов или иной необоснованной просрочке, повлекшей формальное сохранение за ответчиком права собственности на изъятый по решению суда объект незавершенного строительства, в силу статьи 10 Гражданского кодекса Российской Федерации и разъяснений, содержащихся в пункте 1 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 23.06.2015 № 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации», может служить основанием для отказа во взыскании платы за пользование земельным участком в период этого неправомерного бездействия.

Судебная коллегия по гражданским делам
Седьмого кассационного суда общей юрисдикции

УТВЕРЖДЕНО
постановлением президиума
Седьмого кассационного
суда общей юрисдикции
от 22 августа 2025 года №12

**Справка по результатам изучения практики рассмотрения дел по спорам,
вытекающим из кредитных отношений, судебной коллегией по
гражданским делам Седьмого кассационного суда общей юрисдикции**

1. Срок давности по искам о просроченных повременных платежах (проценты за пользование заемными средствами, арендная плата и т.п.) исчисляется отдельно по каждому просроченному платежу.

НАО ПКО «П.» обратилось в суд с иском к К.Е.Н. о взыскании задолженности по кредитному договору, обращении взыскания на заложенное имущество.

Установив, что до настоящего времени задолженность по кредитному договору не погашена, суд апелляционной инстанции, рассматривая дело по правилам производства в суде первой инстанции без учета особенностей, предусмотренных главой 39 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации, пришел к выводу о правомерности заявленных истцом требований.

Судом установлено, что договор заключен 24 июля 2016 года на срок 60 месяцев с уплатой ежемесячных платежей.

Отклоняя довод ответчика о пропуске срока исковой давности, суд апелляционной инстанции указал, что истец заявил требования о взыскании задолженности за период с 13 сентября 2018 года по 13 июля 2021 года, в суд с иском истец обратился 22 сентября 2021 года, то есть в пределах трехгодичного срока исковой давности.

Согласно пункту 1 статьи 196 Гражданского кодекса Российской Федерации общий срок исковой давности составляет три года со дня, определяемого в соответствии со статьей 200 данного Кодекса. В соответствии с пунктом 1 статьи 200 Гражданского кодекса Российской Федерации по общему правилу течение срока исковой давности начинается со дня, когда лицо узнало или должно было узнать о нарушении своего права и о том, кто является надлежащим ответчиком по иску о защите этого права.

Как следует из разъяснений, содержащихся в пункте 24 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 29 сентября 2015 года № 43 «О некоторых вопросах, связанных с применением норм Гражданского кодекса Российской Федерации об исковой давности», по смыслу пункта 1 статьи 200 Гражданского кодекса Российской Федерации течение срока

давности по иску, вытекающему из нарушения одной стороной договора условия об оплате товара (работ, услуг) по частям, начинается в отношении каждой отдельной части. Срок давности по искам о просроченных повременных платежах (проценты за пользование заемными средствами, арендная плата и т.п.) исчисляется отдельно по каждому просроченному платежу.

Таким образом, срок исковой давности предъявления кредитором требования о возврате заемных денежных средств, погашение которых в соответствии с условиями договора осуществляется периодическими платежами, исчисляется отдельно по каждому платежу с момента его просрочки.

С учетом изложенного срок исковой давности по взысканному судом апелляционной инстанции платежу от 13 сентября 2018 года истек 13 сентября 2021 года, тогда как в суд с настоящим иском истец обратился лишь 22 сентября 2021 года. Указанное обстоятельство суд апелляционной инстанции не учел, что явилось причиной отмены судебного акта в данной части в кассационном порядке.

Определение от 25 марта 2025 года № 88-4836/2025

2. Для учета залога движимого имущества предусмотрен специальный порядок путем его регистрации в реестре уведомлений о залоге движимого имущества.

Банк обратился в суд с иском к Л.А.А. об обращении взыскания на заложенный автомобиль.

В обоснование требований указал, что решением суда от 17 марта 2022 года удовлетворены исковые требования банка к А.И.М. о взыскании задолженности по кредитному договору, обращении взыскания на указанный автомобиль. Впоследствии истцу стало известно, что данный автомобиль выбыл из собственности А.И.М. и принадлежит ответчику Л.А.А.

Установив, что до настоящего времени задолженность по кредитному договору не погашена, спорное транспортное средство приобретено Л.А.А. на основании договора купли-продажи от 23 сентября 2022 года, сведения о залоге спорного автомобиля были внесены в реестр уведомлений о залоге движимого имущества Федеральной нотариальной палаты 22 декабря 2020 года, суды пришли к выводу о правомерности заявленных истцом требований об обращении взыскания на заложенный автомобиль.

Судебная коллегия Седьмого кассационного суда общей юрисдикции с выводами судов согласилась, отклонив довод кассационной жалобы Л.А.А. о том, что она является добросовестным приобретателем.

В соответствии с подпунктом 2 пункта 1 статьи 352 Гражданского кодекса Российской Федерации, в редакции, действующей с 01 июля 2014 года, залог прекращается, если заложенное имущество возмездно приобретено лицом, которое не знало и не должно было знать, что это имущество является предметом залога.

Согласно частям 1, 3 статьи 3 Федерального закона от 21 декабря 2013 года № 367-ФЗ «О внесении изменений в часть первую Гражданского кодекса Российской Федерации и признании утратившими силу отдельных законодательных актов (положений законодательных актов) Российской Федерации» измененные положения статьи 352 Гражданского кодекса Российской Федерации применяются к правоотношениям, возникающим в связи с возмездным приобретением заложенного имущества по сделкам, которые совершены после даты 01 июля 2014 года, к сделкам, совершенным до указанной даты, применяется ранее действовавшее законодательство с учетом сложившейся практики его применения.

Согласно пункту 4 статьи 339.1 Гражданского кодекса Российской Федерации залог движимого имущества может быть учтен путем регистрации уведомлений о залоге, поступивших от залогодержателя; реестр уведомлений о залоге движимого имущества ведется в порядке, установленном законодательством о нотариате.

Федеральным законом № 379-ФЗ от 21 декабря 2013 года, вступившим в силу с 01 июля 2014 года, внесены изменения в Основы законодательства в Российской Федерации о нотариате, а именно: предусмотрена регистрация уведомлений о залоге движимого имущества (статьи 34.1 - 34.4, глава XX.I).

Согласно вышеуказанным нормам, уведомление о залоге движимого имущества – это внесение нотариусом в реестр о залоге движимого имущества уведомления, направленного нотариусу в случаях, установленных гражданским законодательством.

Учет залога имущества, не относящегося к недвижимым вещам, осуществляется путем регистрации уведомлений о залоге движимого имущества.

В соответствии с абзацем 3 пункта 4 статьи 339.1 Гражданского кодекса Российской Федерации залогодержатель в отношениях с третьими лицами вправе ссылаться на принадлежащее ему право залога только с момента совершения записи об учете залога, за исключением случаев, если третье лицо знало или должно было знать о существовании залога ранее этого.

При таком положении, являются правомерными выводы судов о том, что ответчик возмездно приобретая 23 сентября 2022 года спорный автомобиль, проявив должную осмотрительность и заботливость, мог и должен был узнать о том, что автомобиль является предметом залога.

Само по себе отсутствие отметок о залоге в паспорте транспортного средства, указание в договоре купли-продажи на отсутствие запретов и обременений, отсутствие ограничений в органах ГИБДД при регистрации перехода права собственности на автомобиль не является основанием для признания добросовестным приобретателем заложенного спорного автомобиля, поскольку для учета залога движимого имущества предусмотрен специальный порядок путем его регистрации в реестре уведомлений о залоге движимого имущества и банк предпринял установленные законом и достаточные меры для информирования всех заинтересованных лиц о наличии залога спорного автомобиля.

Определение от 29 мая 2025 года № 88-7066/2025

3. При разрешении споров о признании недействительными кредитных договоров, заключенных в результате мошеннических действий неустановленных лиц, суды должны давать оценку добросовестности поведения банка, обязанного учитывать интересы потребителя и обеспечивать безопасность дистанционного предоставления услуг.

А.В.И. обратился в суд с иском к банку о признании недействительными расходных банковских операций по перечислению денежных средств со счета кредитной карты.

В обоснование требований указал, что неустановленные лица похитили у истца банковские карты, мобильный телефон с сим-картой, подключенный к услуге Мобильный банк. Также указанные лица совершили ряд расходных операций, которые банк, действуя недобросовестно и неосмотрительно, не пресек.

Решением суда первой инстанции, с которым согласился суд апелляционной инстанции, в иске истцу отказано, поскольку, по мнению судов, банк предпринял все необходимые действия, направленные на защиту интересов клиента.

Судебная коллегия по гражданским делам Седьмого кассационного суда общей юрисдикции с указанными выводами не согласилась, отменив апелляционное определение и направив дело на новое рассмотрение в суд апелляционной инстанции.

В соответствии с пунктом 3 статьи 307 Гражданского кодекса Российской Федерации при установлении, исполнении обязательства и после его прекращения стороны обязаны действовать добросовестно, учитывая права и законные интересы друг друга, взаимно оказывая необходимое содействие для достижения цели обязательства, а также предоставляя друг другу необходимую информацию.

В пункте 1 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации № 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации» разъяснено, что, оценивая действия сторон как добросовестные или недобросовестные, следует исходить из поведения, ожидаемого от любого участника гражданского оборота, учитывающего права и законные интересы другой стороны, содействующего ей, в том числе в получении необходимой информации.

В определении Конституционного Суда Российской Федерации от 13 октября 2022 года № 2669-О указано, что в большинстве случаев телефонного мошенничества сделки оспариваются как совершенные под влиянием обмана потерпевшего третьим лицом. При рассмотрении таких споров особого внимания требует исследование добросовестности и осмотрительности банков. В частности, к числу обстоятельств, при которых кредитной организации в случае дистанционного оформления кредитного договора надлежит принимать повышенные меры предосторожности, следует отнести факт подачи заявки на получение клиентом кредита и незамедлительная выдача банку распоряжения о перечислении кредитных денежных средств в пользу третьего лица (лиц).

В соответствии с пунктом 3 действовавших на момент совершения спорных операций Признаков осуществления перевода денежных средств без согласия клиента, утвержденных приказом Банка России от 27 сентября 2018 года № ОД-2525, к таким признакам относится несоответствие характера, и (или) параметров, и (или) объема проводимой операции (время (дни) осуществления операции, место осуществления операции, устройство, с использованием которого осуществляется операция и параметры его использования, сумма осуществления операции, периодичность (частота) осуществления операций, получатель средств) операциям, обычно совершаемым клиентом оператора по переводу денежных средств (осуществляемой клиентом деятельностью).

Ссылаясь на надлежащее исполнение банком обязанностей при осуществлении спорных операций, суды не дали оценку добросовестности поведения банка, обязанного учитывать интересы потребителя и обеспечивать безопасность дистанционного предоставления услуг, хотя это имело существенное значение для разрешения спора.

Так, суд уклонился от установления обстоятельств, с какого именно устройства (принадлежащего или не принадлежащего истцу) осуществлялись спорные операции, предусмотрено ли использование кодового слова при идентификации клиента, и если да, применялся ли такой способ идентификации, если не применялся, то почему, при каких обстоятельствах оно подлежало применению.

В частности, не дано оценки тому, должен ли был банк, действуя добросовестно и осмотрительно, учитывая интересы клиента и оказывая ему содействие, принять во внимание возможное несоответствие устройства, с использованием которого совершались операции, устройству, обычно

используемому клиентом, характер операции - получение кредитных средств с одновременным их перечислением на счет, принадлежащий другому лицу, совершение переводов и снятие наличных денежных средств в ночное время с банкомата стороннего банка и предпринять соответствующие меры предосторожности, чтобы убедиться в том, что данные операции в действительности совершаются клиентом и в соответствии с его волеизъявлением.

Определение от 30 января 2025 года № 88-1188/2025

4. При разрешении споров о взыскании задолженности по договору займа, заключённому физическими лицами, и обеспеченному залогом недвижимого имущества, суды должны устанавливать, осуществляет ли займодавец постоянную деятельность по выдаче займов, что влечёт отказ займодавцу в требованиях об обращении взыскания на заложенный объект недвижимости.

С.С.Ф. обратился в суд с иском к З.В.П. о взыскании задолженности по договору займа, процентов, обращении взыскания на заложенную квартиру.

В обоснование иска указал, что 02 и 08 ноября 2023 года заключил с ответчиком договоры займа под 3% в месяц. Исполнение ответчиком обязательств обеспечено залогом принадлежащей ответчику квартиры.

Решением суда первой инстанции иск С.С.Ф. удовлетворён частично.

В пользу С.С.Ф. с З.В.П. взысканы основной долг и проценты по займу. Обращено взыскание на предмет залога – квартиру путём продажи с публичных торгов, с установлением начальной продажной цены.

Судом апелляционной инстанции решение суда отменено в части удовлетворения иска об обращении взыскания на квартиру с принятием нового решения в данной части об отказе в иске, также решение изменено в части взысканных сумм.

Суд апелляционной инстанции, придя к выводу о наличии оснований для применения положений пункта 5 статьи 809 Гражданского кодекса Российской Федерации к размеру процентной ставки по займу и статьи 333 Гражданского кодекса Российской Федерации к размеру начисленной неустойки, уменьшил размер подлежащих взысканию процентов за пользование займом и неустойки.

Кроме того, суд апелляционной инстанции, установив факт осуществления истцом систематической деятельности по предоставлению кредитов (займов) физическим лицам в целях, не связанных с осуществлением ими предпринимательской деятельности, обязательства по которым обеспечены ипотекой, при том, что истец осуществляет такую систематическую деятельность без образования юридического лица и с нарушением требований

пункта 1 статьи 23 Гражданского кодекса Российской Федерации, и не вправе ссылаться в отношении заключенных им сделок на отсутствие статуса индивидуального предпринимателя, пришёл к выводу о ничтожности договора залога ввиду установленного законом прямого запрета и наличия в действиях истца признаков злоупотребления правом.

Суд кассационной инстанции согласился с такими выводами.

В соответствии с пунктом 1 статьи 166 Гражданского кодекса Российской Федерации сделка недействительна по основаниям, установленным законом, в силу признания ее таковой судом (оспоримая сделка) либо независимо от такого признания (ничтожная сделка).

Согласно статье 167 Гражданского кодекса Российской Федерации недействительная сделка не влечет юридических последствий, за исключением тех, которые связаны с ее недействительностью, и недействительна с момента ее совершения.

Согласно статье 6.1 Федерального закона от 21.12.2013 № 353-ФЗ «О потребительском кредите (займе)» деятельность по предоставлению кредитов (займов) физическим лицам в целях, не связанных с осуществлением ими предпринимательской деятельности, и обязательства заемщиков по которым обеспечены ипотекой, может осуществляться кредитными организациями, кредитными потребительскими кооперативами, сельскохозяйственными кредитными потребительскими кооперативами, учреждением, созданным по решению Правительства Российской Федерации для обеспечения функционирования накопительно-ипотечной системы жилищного обеспечения военнослужащих и реализации Министерством обороны Российской Федерации функций уполномоченного федерального органа исполнительной власти, обеспечивающего функционирование накопительно-ипотечной системы военнослужащих, единым институтом развития в жилищной сфере.

Судом апелляционной инстанции установлено, что истец не относится к субъектам, перечисленным в статье 6.1 Федерального закона «О потребительском кредите (займе)», которые вправе осуществлять деятельность по предоставлению кредитов (займов) физическим лицам в целях, не связанных с осуществлением ими предпринимательской деятельности, и обязательства заемщиков по которым обеспечены ипотекой.

При этом судом апелляционной инстанции установлено, что истец осуществляет систематическую деятельность по предоставлению потребительских займов.

В пунктах 7 и 8 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 23.06.2015 № 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации» разъяснено, что если совершение сделки нарушает запрет, установленный пунктом 1 статьи 10 Гражданского кодекса Российской Федерации, в зависимости от обстоятельств дела такая сделка может быть признана судом недействительной (пункты 1 или

2 статьи 168 Гражданского кодекса Российской Федерации). К сделке, совершенной в обход закона с противоправной целью, подлежат применению нормы гражданского законодательства, в обход которых она была совершена. В частности, такая сделка может быть признана недействительной на основании положений статьи 10 и пунктов 1 или 2 статьи 168 Гражданского кодекса Российской Федерации. При наличии в законе специального основания недействительности такая сделка признается недействительной по этому основанию (например, по правилам статьи 170 Гражданского кодекса Российской Федерации).

Определение от 17 июня 2025 года № 88-8190/2025

5. Отсутствие оригинала расписки в получении займа не всегда является основанием для отказа займодавцу в удовлетворении требований о взыскании задолженности по договору займа.

П.Д.Е. обратился в суд с иском к С.А.Ю. о взыскании задолженности по договору займа.

В обоснование иска указал, что заключил с ответчиком договор займа, о чём ответчик выдал расписку. Заём ответчик не вернул.

Решением суда, с которым согласился суд апелляционной инстанции, иск П.Д.Е. удовлетворён.

Разрешая спор, суд исходил из установленного факта заключения сторонами договора займа и принял представленную истцом фотокопию расписки ответчика, установив, что её оригинал ответчиком истцу не передавался, а фотоизображение расписки направлено ответчиком истцу посредством мессенджера после получения суммы займа.

Судебная коллегия по гражданским делам Седьмого кассационного суда общей юрисдикции согласилась с обжалуемыми судебными актами, отклонив доводы ответчика о недоказанности заключения договора займа.

В силу статьи 808 Гражданского кодекса Российской Федерации в подтверждение договора займа и его условий может быть представлена расписка заемщика или иной документ, удостоверяющие передачу ему займодавцем определенной денежной суммы или определенного количества вещей.

Суды, дав оценку переписке сторон, приняли представленную истцом фотокопию расписки ответчика в качестве надлежащего доказательства заключения договора займа, при этом исходили из пояснений истца о том, что сумма займа передавалась им ответчику в аэропорту г. Москвы, в присутствии П.И.А., но в связи с отсутствием при себе письменных принадлежностей

расписка предоставлена ответчиком посредством мессенджера в формате фотоснимка.

Судами на обсуждение сторон ставился вопрос о назначении соответствующего экспертного исследования, на что ответчик своего согласия не дал, тогда как по месту проживания ответчика направлялось судебное поручение об отборе у ответчика образцов почерка и подписи, однако ответчик, в судебные заседания не явился (часть 3 статьи 79 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации).

Определение от 27 мая 2025 года № 88-6523/2025

6. Сделанное в любой форме заявление о недействительности (ничтожности, оспоримости) сделки и о применении последствий недействительности сделки (требование, предъявленное в суд, возражение ответчика против иска и т.п.) не имеет правового значения, если ссылающееся на недействительность лицо действует недобросовестно

У.С.А. обратилась в суд с иском к ООО «С.Л.» о взыскании процентов за пользование займом и неустойки за просрочку возврата займа.

В обоснование иска указала, что 23 августа 2022 года заключила с ответчиком нотариально удостоверенный договор займа на сумму 13 000 000 руб. на срок до 28 февраля 2023 года, договором предусмотрена неустойка за нарушение срока возврата займа в размере 0,1% годовых.

20 февраля 2023 года между сторонами заключено дополнительное соглашение в простой письменной форме, согласно которому срок возврата займа продлен до 30 апреля 2023 года, а также предусмотрена неустойка в размере 0,1% от невозвращенной суммы за каждый день просрочки и проценты за пользование денежными средствами в размере 10% годовых. Заемщик вернул долг лишь 16 июня 2023 года, при этом неустойку не уплатил.

Решением суда первой инстанции, с которым согласился суд апелляционной инстанции, в пользу истца с ответчика взыскана неустойка, размер которой предусмотрен договором займа.

Отказываясь в удовлетворении требований о взыскании процентов за пользование займом, суд признал дополнительное соглашение ничтожным, так как нотариальная форма такого соглашения не соблюдена сторонами.

Суд кассационной инстанции не согласился с такими выводами.

В соответствии с пунктом 1 статьи 452 Гражданского кодекса Российской Федерации соглашение об изменении или о расторжении договора совершается в той же форме, что и договор, если из закона, иных правовых актов, договора или обычаев не вытекает иное.

Согласно пунктам 2 и 3 статьи 163 Гражданского кодекса Российской Федерации нотариальное удостоверение сделок обязательно: 1) в случаях, указанных в законе; 2) в случаях, предусмотренных соглашением сторон, хотя бы по закону для сделок данного вида эта форма не требовалась. Если нотариальное удостоверение сделки в соответствии с пунктом 2 настоящей статьи является обязательным, несоблюдение нотариальной формы сделки влечет ее ничтожность.

Вместе с тем, судами не учтены разъяснения пункта 70 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 23 июня 2015 года № 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации», в соответствии с которым сделанное в любой форме заявление о недействительности (ничтожности, оспоримости) сделки и о применении последствий недействительности сделки (требование, предъявленное в суд, возражение ответчика против иска и т.п.) не имеет правового значения, если ссылающееся на недействительность лицо действует недобросовестно, в частности, если его поведение после заключения сделки давало основание другим лицам полагаться на действительность сделки (пункт 5 статьи 166 Гражданского кодекса Российской Федерации).

В нарушение указанных разъяснений суды не дали оценки переписке между истцом и ответчиком, согласно которой ООО «С.Л.» перед заключением дополнительного соглашения сообщал о необходимости пролонгации даты возврата денежной суммы по договору займа от 23 августа 2023 года. При этом ответчик вплоть до получения искового заявления о взыскании неустойки о ничтожности дополнительного соглашения не заявлял.

Также суды не учли, что материалы дела не содержат доказательств того, что при подписании дополнительного соглашения ответчик настаивал на его нотариальном удостоверении, либо совершал какие-либо действия, дающие основание У.С.А. усомниться в действительности сделки.

Определение от 19 июня 2025 года № 88-7664/2025